

График 1. Индекс международной безопасности *iSi*
(декабрь 2006 г. – апрель 2007 г.)

- ➔ **ПОКАЗАТЕЛИ ИНДЕКСА *iSi* – УНИВЕРСАЛЬНОГО ИНДЕКСА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.**
- ➔ **Юрий Федоров. ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: ЖЕЛЕЗОМ И КРОВЬЮ.**
- ➔ **Дмитрий Евстафьев. ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: В ПРЕДЧУВСТВИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН.**
- ➔ **Мариан Абишева, Сержио Дуарте, Харальд Мюллер, Уильям Поттер, Александр Савельев, Евгений Сатановский, Константин Эггерт. КОММЕНТАРИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ГРУППЫ ПРИ ПИР-ЦЕНТРЕ.**

Как уже сообщал *Индекс Безопасности* №1, 2007 (с. 138 – 140), с июля 2006 г. ПИР-Центр осуществляет проект вычисления Индекса *iSi* (*international Security index* – произносится: ай-си) – **универсального Индекса международной безопасности**. Целью *iSi* является разработка количественного исчисления динамики общемировых процессов, объединенных понятием «международная безопасность». Индекс *iSi* призван показать, насколько международная ситуация с точки зрения безопасности отличается от *идеальной* на каждый конкретный момент его определения. Он также показывает, как эта ситуация меняется под воздействием различных факторов военного и невоенного характера. *iSi* рассчитывается по оригинальной методике, разработанной ПИР-Центром. Он в целом показывает уровень состояния международной безопасности в военной, политической, экономической, экологической сферах. За идеальное состояние принята цифра **4210 пунктов**. То есть чем ближе показатели к этой цифре, тем спокойнее мир. И, наоборот, чем ниже Индекс *iSi*, тем, следовательно, выше уровень опасности.¹

Ежемесячное измерение *iSi* ПИР-Центр сопровождает телефонным опросом **Международной экспертной группы (МЭГ)**, в которой представлены эксперты из России, Казахстана, Бразилии, Германии, Индии, Китая, США. Экспертные оценки, никак не влияя на вычисленную нами величину Индекса, тем не менее, позволяют проследить, как воспринимается наш замер. Насколько верен показатель *iSi* за январь или апрель, верна ли его динамика, какие события повлияли положительно (а какие отрицательно), и как возможно будет меняться показатель индекса в следующем месяце?

В декабре 2006 г. Индекс *iSi* составил **3041** единицу. В январе 2007 г. он **опустился на 103 пункта** до **2938** единиц. В феврале и марте Индекс продолжил свое падение и достиг отметки в **2886** и **2872** единицы соответственно. В апреле 2007 г. Индекс начал подниматься и достиг **2887** пунктов.

Среди факторов, наиболее серьезно повлиявших на динамику *iSi* в этот период, можно выделить следующие события:

- Наметившееся осенью 2006 г. *похолодание* в отношениях между Россией и странами Запада (прежде всего США) в прошедший период только нарастало. Озвученные в декабре 2006 г. планы США о возможном размещении элементов американской системы ПРО в странах Восточной Европы приобрели реальные очертания. Кроме того, обсуждение в рамках Совета Безопасности ООН проекта резолюции по Косово, на содержание которой у России и стран Запада диаметрально противоположные взгляды, также крайне негативно повлияло на общую ситуацию в сфере международной безопасности. Все это стало причиной ряда резких заявлений со стороны политического и военного руководства РФ (*мюнхенская речь* российского президента В.В. Путина, проекты *асимметричного* ответа на инициативы США, планы по выходу России из ДОВСЕ и др.).
- Одним из наиболее серьезных вызовов международной безопасности в декабре 2006–апреле 2007 гг. была иранская ядерная проблема. В прошедший период Советом Безопасности ООН были приняты две резолюции по Ирану – №1737 (в декабре 2006 г.) и №1737 (в марте 2007 г.). Однако Тегеран, назвав оба документа «незаконными», отказался их исполнять. Кроме того, в апреле 2007 г. Тегеран заявил о возобновлении своей военной ядерной программы (эти данные были подтверждены МАГАТЭ), а также о планах по выходу из ДНЯО.
- Ставшая уже *традиционным* фактором высокая террористическая активность в Ираке и Афганистане. В этот период практически ежедневно в этих странах происходили кровавые теракты. В Афганистане же активно проявляют себя боевики движения *Талибан*, участвующие как в боевых действиях против вооруженных сил коалиции, так и в подготовке и проведении террористических актов.
- Ядерная проблема КНДР. Если осенью 2006 г. этот фактор повлиял резко отрицательно на показатели Индекса *iSi* (имеется в виду проведение Северной Кореей

ядерного испытания), то с начала 2007 г. в рамках шестисторонних переговоров удалось добиться некоторого прогресса. Была достигнута договоренность об отказе Пхеньяна от развития своей атомной программы в обмен на экономическую помощь со стороны мирового сообщества.

- Ситуация на постсоветском пространстве также не отличалась в этот период стабильностью. Необходимо прежде всего упомянуть российско-белорусский газовый конфликт, затяжные внутривнутриполитические кризисы на Украине и в Киргизии, а также ухудшение отношений между Россией и Эстонией весной 2007 г., связанное с переносом эстонскими властями памятника Воину-освободителю.

В целом можно констатировать, что международно-политическая ситуация в период с декабря 2006 г. по апрель 2007 г. отличалась нестабильностью. Вызовы безопасности носили в основном военно-политический характер, террористическая активность также находилась на довольно высоком уровне.

Подробную хронологию событий с декабря 2006 г. по апрель 2007 г., повлиявших на *ISI*, см. в интернет-представительстве ПИР-Центра по адресу <http://isi.pircenter.org>

ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: ЖЕЛЕЗОМ И КРОВЬЮ

Многочисленные прогнозы развития международных отношений, появившиеся после бурных событий лета–осени 2006 г., в большинстве своем не оправдались. Не произошло новой войны между Израилем и «Хизбаллой». Победа Демократической партии на выборах в Конгресс США в ноябре 2006 г. не привела, как предсказывали многие, к сколько-нибудь серьезным изменениям американской внешней политики. Вместо ожидавшегося обострения в Северо-Восточной Азии ситуация там несколько стабилизировалась после того, как участники шестисторонних переговоров договорились о замораживании северокорейского ядерного реактора в обмен на поставки КНДР энергоресурсов.

В целом, в зимнем сезоне 2006–2007 гг. мировая политика находилась в своем обычном состоянии. Продолжались острые столкновения между различными религиозными и этническими группами в Ираке, тысячами жертв ежемесячно оборачивались эти столкновения. Отряды талибов по-прежнему нападали на войска международной коалиции на юге Афганистана. Иранское руководство, как и ранее, демонстративно отказывалось от какого-либо компромисса относительно своей ядерной программы и продвигалось к обретению ядерного оружия. Не прекращались гражданские войны и этнические конфликты в Африке. Правда, они привлекали к себе сравнительно мало внимания по сравнению с событиями в зоне Большого Ближнего Востока. Сохранились разногласия между США и рядом европейских стран в отношении наиболее крупных проблем международной безопасности.

На этом, в целом привычном и несколько унылом международно-политическом фоне выступление российского президента В.В. Путина в Мюнхене в феврале 2007 г. привлекло заметное внимание. По сути дела, это выступление расценили как фактическое объявление Россией *новой холодной войны* Западу. Последующие заявления и решения российского руководства усилили это впечатление. Российские военные немедленно воспользовались речью президента, заявив, в частности, о необходимости выхода из Договора о РСМД. Сразу встали вопросы: в чем, собственно, кроются причины этого очередного зигзага российской политики, насколько воинственная риторика отражает действительные изменения российской стратегии на мировой арене и каковы будут последствия конфронтации с Западом для самой России? Опубликованный в конце марта 2007 г. Обзор внешней политики Российской Федерации ответа на них не дал. Вместе с тем он явно высветил концептуальный кризис МИД России, неспособность сформулировать адекватную картину окружающего мира и внешнеполитическую стратегию страны.

И
В
Р
О
С
С
И
Я
Б
Е
Л
О
Р
У
С
С
К
И
Е
О
Б
Щ
Е
С
Т
Р
А
Н
О
Е
С
О
О
Б
Щ
Е
С
Т
В
О
Е
С
О
О
Б
Щ
Е
Н
И
Е

Сохраняющиеся критические проблемы международной безопасности вызывали естественную озабоченность. Но самое неприятное то, что ни международное сообщество в целом, ни наиболее мощные и влиятельные государства, прежде всего США, не смогли преодолеть инерцию собственной политики и предпринять решительные инновационные шаги, способные если не разрешить нарастающие проблемы, то, по крайней мере, обозначить новые, возможно, более эффективные подходы к их решению.

И, тем не менее, нельзя исключить, что нынешний застой в мировой политике на самом деле является своего рода затишьем перед бурей, эпицентром которой станет Большой Ближний Восток. Этот регион исключительно важен как для мировой экономики, так и для глобальной безопасности. Свойственные ему острейшие проблемы сплетаются в единый клубок, становятся все более трудными для разрешения, а политико-дипломатические усилия, предпринимаемые с этой целью, в большинстве своем оказываются безрезультатными. Соответственно, возрастает вероятность того, что будет предпринята попытка остановить геополитический коллапс, назревающий в Большом Ближнем Востоке, силовым путем, хотя, как показывает иракский опыт, военные акции могут привести к дальнейшей военно-политической дестабилизации. Наконец, если США не смогут в ближайшие месяцы остановить нарастание опасных тенденций, связанных с иранской ядерной программой и активностью талибов в Афганистане, роль Америки как единственной подлинно глобальной сверхдержавы будет поставлена под сомнение.

БОЛЬШОЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК: BUSINESS AS USUAL

На протяжении всего зимнего сезона 2006–2007 гг. Большой Ближний Восток оставался (и останется еще надолго) главной сценой, где разыгрывались основные события мировой политики. Наряду с традиционной для этого региона проблематикой – Ирак, Иран, Афганистан, израильско-палестинское противостояние – в последнее время появились две новые потенциальные зоны нестабильности.

Первая – связана с выходом из ливанского правительства пяти министров-шиитов, являвшихся, по сути дела, представителями «Хизбаллы». Это обозначило перспективу нового конфликта в Ливане между ответственными политическими силами, представленными, прежде всего, правительством Фуада Синьоры, и экстремистскими кругами во главе с «Хизбаллой». Последняя, как и следовало ожидать, отказалась выполнить требования Совета Безопасности ООН и разоружить свои боевые формирования. «Хизбаллу» поддерживает Сирия, законное правительство поддерживают США, Франция, Саудовская Аравия и некоторые другие арабские государства. Если нынешние тенденции развития ситуации в Ливане сохранятся, то эта страна превратится в еще один театр войны как между Западом и исламскими радикалами, так и, одновременно, между суннитами и шиитами.

Другой очаг нестабильности наметился в Турции. В апреле 2007 г. турецкий парламент выбрал новым президентом страны министра иностранных дел Абдуллу Гула, члена правящей исламистской Партии справедливости и развития. В результате практически вся полнота власти в стране сосредотачивалась в руках исламистских кругов. Оппозиция немедленно опротестовала итоги голосования, ссылаясь на неясности относительно вкору, необходимого для принятия такого решения. В события вмешалось руководство вооруженных сил, заявив, что турецкие вооруженные силы участвуют в дискуссии относительно светского пути развития страны и являются его «абсолютным защитником» (*absolute defenders*). Это заявление сыграло решающую роль в принятии решения о проведении внеочередных парламентских выборов в июле 2007 г. Одновременно оно ясно показало, что турецкая армия не намерена оставаться вне политики, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Не появилось в последние месяцы и каких-либо признаков улучшения обстановки в Афганистане. На саммите НАТО в Риге в ноябре 2006 г. было согласовано, что в 2008 г. контроль над ситуацией в стране будет передан формируемой армии и силам безопасности Афганистана. Предполагается, что к 2008 г. численность афганской полиции вырастет

с 61 тыс. до 82 тыс.чел., а армии – с 32 тыс. до 70 тыс.чел. Будут созданы подразделения по борьбе с наркотиками и охране границы. Однако есть основания сомневаться, что эти

 Уильям Поттер (США), директор Центра изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований – по электронной почте из Монтеррея: *Новости о значительном продвижении Ирана в программе по обогащению урана значительно дестабилизируют региональную и международную безопасность. Продолжающееся ухудшение ситуации в Ираке также оказывает негативное влияние. Среди положительных событий этого периода стоит отметить хоть и короткую, но встречу госсекретаря США Кондолизы Райс со своими коллегами из Сирии и Ирана. Итоги Подготовительного комитета ДНЯО оказались также намного лучше, чем ожидалось. Положительная динамика показателя в апреле основана еще на том, что спало напряжение в Северо-Восточной Азии, несмотря на задержки с выполнением решений шестерки со стороны КНДР.*

планы будут выполнены. Причин тому несколько. Во-первых, ряд крупных стран–членов НАТО, прежде всего Франция, Германия, Италия и Испания отказываются направлять свои контингенты в районы боевых действий против талибов на юге и юго-востоке страны. В результате основная тяжесть реального противоборства с талибами ложится на плечи американских и британских, а также, хотя и в меньшей мере, канадских войск. Главный аргумент, выдвигаемый упомянутыми европейскими странами, состоит в том, что США уделяют слишком много внимания военным операциям, тогда как реальное противодействие талибам и другим экстремистским силам должно основываться на содействии развитию экономики страны и решению наиболее острых социальных и экономических проблем. Сам по себе упомянутый подход, возможно, правилен. Однако его результатов придется ждать в лучшем случае несколько лет, тогда как весной–летом 2007 г. ожидается крупное наступление талибов, остановить которое можно только военной силой.

Во-вторых, обстановка в зоне племен и других обширных районах вдоль пакистано-афганской границы остается фактически вне контроля пакистанского правительства и сил международной коалиции. Обращенные к Исламабаду требования США активизировать противодействие талибам и Аль-Каиде в этой зоне вызывают растущее раздражение и недовольство исламистских кругов в пакистанском истеблишменте, в том числе в армии и спецслужбах. Последние, как считают эксперты, более или менее эффективно борются с Аль-Каидой, но предоставляют разнообразную помощь отрядам талибов. Положение генерала Первеза Мушаррафа, вынужденного балансировать между США и исламистскими кругами, осложняется, что может иметь весьма неприятные последствия и для нынешнего пакистанского лидера, и для всего региона в относительно недалеком будущем. В-третьих, остаются неясными перспективы формирования дееспособных армии и полиции афганского правительства, возглавляемого Хамидом Карзаем.

Словом, ни у кабульского правительства, ни у международной коалиции просто нет достаточных вооруженных сил, способных установить эффективный контроль над территорией Афганистана, особенно над его южной и юго-восточной частями. А потому ожидать быстрой, в ближайшие год-полтора, стабилизации положения в этой стране не приходится. Вместе с тем, если НАТО примет решение уйти из Афганистана, на смену правительству Карзая практически наверняка придут талибы. Это будет означать крупнейшее геополитическое поражение НАТО и Запада в целом, допустить которого ни одна из западных столиц не желает. В итоге операция «Несгибаемая свобода» (*Enduring Freedom*) будет продолжаться, международные силы содействия безопасности останутся в Афганистане, американское военное присутствие в Центральной Азии сохранится, но способность НАТО эффективно решать задачи обеспечения безопасности за пределами ее зоны ответственности по-прежнему останется под сомнением.

Не вызывает оптимизма развитие событий на палестинских территориях, хотя в феврале 2007 г. ХАМАС и ФАТХ, наконец, сумели при посредничестве Саудовской Аравии

В
О
С
С
З
С
Б
Е
О
Ц
О
П
Х
И
В
О
И

сформировать правительство национального единства. Это может в известной мере стабилизировать положение на Западном берегу и в секторе Газа, но вряд ли будет действовать урегулированию палестино-израильского конфликта, поскольку ХАМАС отказывается, как и прежде, признать право Израиля на существование. В свою очередь, Израиль, при поддержке США, отказывается признать палестинское правительство национального единства до тех пор, пока в его составе находятся представители ХАМАСа. Такая линия Тель-Авива вызывает зачастую критику со стороны тех кругов – и в западных странах, и в самом Израиле, которые делают ставку на *стратегию вовлечения* ХАМАСа, полагая, что сотрудничество с террористами может оказаться более полезным, чем жесткая борьба с ними. Особое внимание привлекают также разногласия между умеренным, так называемым *политическим* крылом ХАМАСа, и его вооруженными формированиями, которые считаются экстремистски настроенными. Однако нет никакой уверенности в том, что *стратегия вовлечения* экстремистских и террористических режимов и движений обоснованна. Вновь возникает вопрос: может ли мягкое обращение с такими политическими субъектами изменить их природу?

Однако все эти проблемы являются сравнительно малозначимыми по сравнению с ситуацией в Ираке и развитием событий вокруг иранской ядерной программы. Положение в Ираке продолжает осложняться. Столкновения на этнической и религиозной почве перерастают в гражданскую войну, охватывающую значительную часть иракской территории, главным образом города и провинции, в которых бок о бок проживают сунниты и шииты или арабы и курды. Все большие масштабы приобретают потоки беженцев в соседние страны: по данным ООН два миллиона иракцев стали беженцами и еще 1,8 миллиона человек – перемещенными лицами, вынужденными покинуть места проживания и переселиться в районы, где население одинакового с ними религиозного толка или этнической принадлежности составляет большинство. Сложилась благоприятная ситуация для возникновения и распространения экстремистских настроений и террористических движений. Усиливаются сепаратистские устремления. Нарастают экономические трудности. Возникает реальная перспектива интервенции в Ирак соседних государств.

Так, Сирия оказывает поддержку сохранившимся в Ираке ячейкам партии БААС, кроме того, через ее территорию продолжает двигаться поток иностранных боевиков и террористов суннитского толка. Иран, в свою очередь, финансирует, вооружает и предоставляет тыловую инфраструктуру боевым отрядам шиитских экстремистских организаций. Саудовская Аравия, Иордания, Кувейт и Турция пытаются, помимо всего прочего, нейтрализовать влияние шиитского Ирана в Ираке и, следовательно, в регионе в целом. Анкара, помимо этого, озабочена развитием событий в иракском Курдистане и перспективой образования *де-юре* или *де-факто* независимого курдского государства, которое практически неизбежно станет центром притяжения для курдского населения юго-восточной Турции. Неслучайно генерал Яшар Буяканист выступил в конце февраля 2007 г. с недвусмысленными угрозами в адрес руководства иракского Курдистана, пригрозив прямой военной интервенцией в случае угрозы *распада страны*, иными словами, присоединения к потенциальному курдскому государству юго-восточных провинций Турции. Таким образом, возникла реальная перспектива того, что Ирак станет своего рода *черной дырой* Ближнего Востока, своего рода *геополитической воронкой*, втягивающей в себя соседние страны.

Вопрос о том, является ли *стратегия вовлечения* эффективной в отношении экстремистских режимов, приобретает особую актуальность в связи с действиями нынешнего иранского руководства, упрямо продвигающегося к обретению ядерного оружия и самым вызывающим образом саботирующего требования Совета Безопасности ООН. Как и следовало ожидать, Тегеран демонстративно проигнорировал резолюцию №1696, принятую Советом Безопасности ООН 31 июля 2006 г. Соответственно, в декабре 2006 г. Совет Безопасности принял резолюцию №1737. Ее несомненным достоинством является то, что она высвечивает, с одной стороны, обструкционистскую политику Ирана, а с другой, – неспособность Совета Безопасности выработать эффективные меры, способные привести в чувство тегеранских лидеров. Во многом это – результат двойственной политики России и Китая, которые стремятся максимально смягчить санкции

против режимов, уличенных в создании ядерного оружия и, соответственно, в нарушении своих обязательств по Договору ДНЯО.

Действительно, в резолюции №1737 говорится, что «Иран не осуществил полную и окончательную приостановку всех видов деятельности, связанных с обогащением и переработкой [...], не возобновил сотрудничество с МАГАТЭ по линии Дополнительного протокола, не предпринял другие шаги, предписанные ему Советом управляющих МАГАТЭ, не выполнил положения резолюции 1696 (2006) Совета Безопасности»². В этой резолюции отмечается также, что Совет Безопасности действует на основании статьи 41 главы VII Устава Организации Объединенных Наций. Иными словами, признано, что действия Ирана представляют угрозу миру, для устранения которой должны быть приняты санкции, правда, не предусматривающие применение вооруженной силы.

Исходя из всего этого, Совет Безопасности в декабре 2006 г. постановил, что Иран должен прекратить «всю деятельность, связанную с обогащением и переработкой» урана, «включая исследования и разработки» и «работы в рамках всех связанных с тяжелой водой проектов, включая строительство исследовательского реактора с тяжеловодным замедлителем»³. Далее, Совет Безопасности потребовал, чтобы все государства приняли «необходимые меры для предотвращения прямой или косвенной поставки, продажи или передачи со своей территории, или своими гражданами, или с использованием морских или воздушных судов под их флагом Ирану или для использования в Иране или в его интересах ... всех предметов, материалов, оборудования, товаров и технологий, которые могли бы способствовать деятельности Ирана, связанной с обогащением, переработкой или тяжелой водой, или разработке систем доставки ядерного оружия»⁴. Иными словами, оценка действий Ирана вполне адекватна, а требования Совета Безопасности весьма недвусмысленны.

Но меры, предусмотренные Советом Безопасности для того, чтобы побудить Иран выполнить эти требования, заведомо малоэффективны. Действительно, в резолюции предлагается лишь, чтобы все государства заморозили финансовые активы и экономические ресурсы, находящиеся в собственности или под контролем иранских физических или юридических лиц, участвующих в создании ядерного оружия и систем его доставки. Был сформирован список из 12 таких организаций и 12 физических лиц, включающий, в частности, Организацию по атомной энергии Ирана и Организацию военной промышленности, а также, например, генерала Яхья Рахим Сафави, командующего Корпусом стражей исламской революции. Как и следовало ожидать, никакого влияния на иранскую ядерную деятельность эти санкции оказать не смогли. Можно предположить, что Организация по атомной энергии Ирана и генерал Сафави не держат свои активы в западных банках, по крайней мере под собственными именами и названиями.

Не решает иранскую ядерную проблему и принятая в конце марта 2007 г. резолюция Совета Безопасности ООН №1747. По сути дела, ее единственным отличием от резолюции, принятой в декабре 2006 г., является расширение списка иранских организаций и физических лиц, в отношении которых должны быть применены некоторые, не слишком жесткие санкции.

Развитие событий в зоне Большого Ближнего Востока все острее ставит вопрос: что делать? Вопрос этот впервые был поставлен в XIX веке российской псевдолиберальной интеллигенцией, озабоченной собственной социальной беспомощностью и подменяющей практические дела размышлениями *à la* Обломов и Манилов. Сегодня же этот вопрос с все большей тревогой обсуждается в политических кругах самой мощной державы мира.

США: НАКАНУНЕ СМЕНЫ КАРАУЛА

Промежуточные выборы в Конгресс в ноябре 2006 г. стали своеобразным референдумом относительно политики США в Ираке и высветили практически неизбежную победу демократов на предстоящих в 2008 г. президентских выборах, если только нынешняя

администрация не предпримет каких-либо успешных нестандартных шагов, способных радикально переломить ситуацию либо в Ираке, либо в Иране, либо в Афганистане.

Жесткая критика иракской войны стала главной картой, которую демократы успешно разыграли, апеллируя к естественной усталости большинства американцев от войны как таковой и, что еще важнее, к их растущей уверенности в бесперспективности американского военного присутствия, которое не может остановить гражданскую войну и нарастающую волну терроризма в Ираке. Накануне выборов 61% американцев высказались против войны в Ираке, а 56% полагали, что она сделала США более уязвимыми перед террористической угрозой.

Новое соотношение сил между администрацией и Конгрессом, оказавшимся под контролем демократов, не привело, однако, к формированию *двухпартийной* внешней политики, в том числе в отношении Ирака. Одной из причин этого является фактическое отсутствие у Демократической партии развернутой внешнеполитической программы, одобренной если не всеми, то большинством влиятельных партийных деятелей. В частности, к весне 2007 г. демократы не выработали единой позиции относительно наиболее острого вызова для внешней политики США – дальнейшего присутствия американских войск в Ираке. Так, Барак Обама – восходящая, хотя и несколько своеобразная, звезда Демократической партии – настаивал на скорейшем выводе американских войск из Ирака. Искушенный политик Джозеф Байден поддержал раздел Ирака на три фактически самостоятельных государства по этнорелигиозному признаку. Ховард Дин, председатель Национального комитета Демократической партии высказывался в пользу некоего «поэтапного передислоцирования» американского контингента в Ираке.

 Харальд Мюллер (Германия), директор Института проблем мира – по электронной почте из Франкфурта: *Показатели индекса достаточно четко отражают развитие ситуации в мире. Причиной падения служит разлад в отношениях между Россией, НАТО и США по ПРО и Косово. К тому же, постоянно ухудшается ситуация в Ираке (несмотря на попытки его умиротворения со стороны США) и Афганистане. Положительно на состояние безопасности сказались формирование правительства в Северной Ирландии и улучшение состояния германской экономики, что незамедлительно отразилось и на состоянии экономики объединенной Европы. А улучшение социальной обстановки улучшает безопасность. В ближайшие месяцы ситуация вряд ли как-то кардинально изменится. Значительное улучшение ситуации может быть связано с потеплением в отношениях между Россией и США/НАТО.*

В свою очередь, Хилари Клинтон, наиболее вероятный претендент на пост президента от Демократической партии, в свое время голосовала за войну в Ираке и всячески стремится укрепить свои отношения с военными.

Но дело не только и, возможно, не столько в разногласиях между теми или иными лидерами демократов. Важнее, что все они понимают, что в случае весьма вероятной победы на президентских выборах решение тяжелейших проблем Большого Ближнего Востока ляжет на их плечи, тогда как реальных рецептов таких решений у них, как, впрочем, и у других сегментов американского истеблишмента, пока нет. При этом у демократов, по сути дела, есть только один практический рычаг воздействия на внешнюю политику, в том числе на действия администрации в Ираке. Это – сокращение расходов на соответствующие статьи бюджета. Но если подобное решение будет проведено через Конгресс, демократическая партия будет немедленно обвинена в том, что она оставила американских солдат в Ираке без достаточных ресурсов.

Нет ясности и в том, каким может быть подход демократов к другому ключевому направлению внешней политики США – отношениям с Китаем. Многие лидеры демократического большинства в Конгрессе всегда с подозрением относились к Китаю и симпатизировали Тайваню. Так, влиятельный конгрессмен Томас Лантос часто отзывался о Китае

как об «источнике проблем» (*troublemaker*), а Шерод Браун, сооснователь *Congressional Taiwan Caucus* (закрытого совещания членов Конгресса по тайваньскому вопросу), был избран сенатором. Спикером палаты представителей избрана Ненси Пелоси, известная своими критическими оценками нарушений прав человека в Китае и перекосов в американо-китайской торговле. В целом, в отличие от республиканцев демократы намного более тревожно воспринимают растущий быстрыми темпами дефицит США в торговле с КНР, превысивший в 2006 г. 180 млрд долл. В итоге в случае прихода демократов к власти в 2008 г. американская политика на китайском направлении может приобрести более жесткий и идеологизированный характер. Похожие изменения могут произойти и в отношениях с Россией. Демократы традиционно намного болезненнее воспринимают авторитарные проявления и нарушение прав человека, чем их республиканские оппоненты.

Практическая политика США в Ираке осталась без изменений. Отставка Дональда Рамсфелда, скорее всего, оказалась тактическим ходом администрации – для того, чтобы отвести от президента критику за фактический провал на Ближнем Востоке, но никак не началом поиска новой стратегической линии, учитывающей уроки иракской войны. 10 января 2007 г. президент США Джордж Буш объявил о наращивании военного контингента в Ираке еще на 21 тыс. человек, причем демократам не удалось провести через Сенат резолюцию, осуждающую это решение. Усиление американского военного присутствия в Ираке сопровождается попытками переложить основную тяжесть собственно вооруженного умиротворения враждующих иракских группировок на плечи формируемых иракской армии и полиции. Американские же военные, как предполагается, должны играть роль советников, а также обеспечивать безопасность в относительно более спокойных районах или в ключевых зонах, в том числе в Багдаде.

Усиление военной компоненты операции в Ираке сопровождалось попытками привлечь к стабилизации положения там Сирию и Иран, имеющих серьезные рычаги влияния на ситуацию в этой стране. На первый взгляд, идея заслуживает внимания. Вопрос, однако, в том, что может Вашингтон предложить Тегерану и Дамаску в обмен на их содействие в урегулировании положения в Ираке? Начались осторожные контакты дипломатов и каких-либо результатов они, как и следовало ожидать, не принесли. Стороны лишь обменялись взаимными обвинениями. И это понятно. Тегеран использует своих сторонников среди шиитского населения Ирака как один из основных инструментов давления на США, надеясь вынудить Вашингтон пойти на уступки по ядерной проблеме. Для Вашингтона такого рода увязки вряд ли приемлемы.

Бесспорно, зимой–весной 2006–2007 гг. Ирак оставался самой болезненной внешнеполитической проблемой США. При этом, решив увеличить численность своих войск в Ираке на 21 тыс. человек, американское руководство выбрало, как представляется, самый неудачный из всех возможных вариантов действий. Дополнительный контингент слишком мал для того, чтобы существенно изменить баланс сил в Ираке, особенно в свете сокращения развернутых там войск других участников международной коалиции, в том числе Великобритании. Вместе с тем, это решение вызывает раздражение и в самих США, и среди их союзников. Оно показывает, что Белый дом не готов ни к уходу из Ирака, ни к решительному подавлению экстремистских группировок как суннитского, так и шиитского толка – как собственными силами, так и, например, с опорой на курдские формирования, ни к разделу Ирака на три государства, ни к иным радикальным шагам, способным вывести ситуацию из тупика.

Разумеется, уход США из Ирака или его распад на этнорелигиозные государства вызовет резкий рост насилия и в самой стране, и в регионе в целом, но, в конечном итоге, может привести к новой, более стабильной расстановке сил. В частности, Фред Икле, идейный наставник многих нынешних американских сторонников жесткой линии в области обороны и безопасности, член Комиссии министерства обороны по вопросам оборонной политики, например, заявил: «Огромные и невероятные ошибки в Ираке могут привести к тому, что нам придется оттуда уйти. Однако если мы сможем уйти правильно, это не сделает США более уязвимыми, но может ухудшить положение наших джихадистских противников, убивающих друг друга»⁵. В этой позиции есть своя логика, по-

И
В
Р
О
С
С
У
Б
Е
О
Д
П
О
Х
Ы
В
О
М
И
Н

сколькo после вывода войск международной коалиции из Ирака столкновения радикальных суннитских и шиитских группировок усилятся. В итоге, экстремисты с той и с другой стороны истощат свои силы в кровопролитной борьбе друг с другом, а умеренные, ориентирующиеся на США круги усилят свое влияние и смогут взять ситуацию под контроль.

Однако в этом варианте есть свои опасности. Появление *де-юре* независимого Курдистана, скорее всего, станет центром притяжения для курдов, проживающих в Турции и Иране. Это, соответственно, вызовет серьезное сопротивление главного американского союзника в регионе – Турции. Многие считают, что может заметно усиливаться влияние Ирана в южной, населенной шиитами части бывшего Ирака, что никоим образом не соответствует интересам США. Одним из наиболее влиятельных противников такого варианта, как и ухода США из Ирака, как пишет западная пресса, выступает ЦРУ, аргументируя это, во-первых, тем, что в западном Ираке будет создана мощная база международного терроризма радикалистского исламского толка, а во-вторых, резко усилятся позиции Ирана в условиях, когда военная операция против Ирана может обрести реальные очертания. Но вполне возможно, что шиитские лидеры южного Ирака не захотят превращаться в тегеранских наместников или марионеток. В этом случае они могут оказаться полезными США в последующих операциях против Ирана.

ТУРКМЕНИЯ ПОСЛЕ ТУРКМЕНБАШИ

Смерть туркменского диктатора Сапармурата Ниязова, больше известного под именем *Отец всех туркмен* (именно так переводится титул Туркменбаши), привлекла на некоторое время внимание к этой небольшой, богатой природным газом стране, затерянной в песках Каракумов. Мировая и, особенно, российская пресса с увлечением обсуждала вопросы о том, умер ли диктатор своей смертью или был отравлен своим ближайшим окружением, раздраженным его сумасбродными выходками; кому достанутся несколько миллиардов принадлежащих ему долларов, находящихся, по слухам, в немецких банках, и можно ли искать параллели между сменой лидера в Туркмении и процессами, развернувшимися в СССР после смерти Сталина. Эти вопросы, сколь бы интересными для широкой публики они ни были, на самом деле не имеют существенного значения. Важно другое. События в Ашхабаде высветили стратегическое значение Туркмении для развития событий в Каспийской зоне и Средней Азии. Оно определяется двумя факторами.

Первый – по каким направлениям пойдет в ближайшие годы *экспорт туркменского газа*. Россия крайне заинтересована в том, чтобы получить если не всю, то по крайней мере львиную долю туркменского газового экспорта, чтобы компенсировать ожидающееся снижение производства газа на российской территории. Европа, в свою очередь, стремится не допустить усиления своей зависимости от импорта российского газа и хотела бы, в частности, использовать для этого газ из Средней Азии, прежде всего из Туркмении. Соответственно, в центре соперничества между Россией и Европейским Союзом будет проблема строительства транскаспийского газопровода. Ее решение во многом зависит от позиции Ашхабада, которая, в свою очередь, зависит от выбора новым руководством страны основного вектора внешнеполитической ориентации Туркмении. При этом, если Ашхабад выскажется в пользу транскаспийского газопровода, то откроется перспектива строительства еще одного транскаспийского трубопровода, на сей раз нефтяного, соединяющего казахстанские морские нефтепромыслы в районе Кашагана с нефтяными терминалами вблизи Баку.

Второй фактор, обуславливающий возрастающее значение Туркмении в евразийской международной системе, – *динамика внутривнутриполитического развития*. Многие эксперты предсказывают, что свершившийся уход туркменского лидера и ожидаемая в ближайшие годы смена руководства в Казахстане и Узбекистане создаст в этих странах вакуум власти, который автоматически или почти автоматически приведет к столкновению соперничающих элитных группировок, чреватому общенациональным политическим и, возможно, вооруженным кризисом. Внутривнутриполитические процессы в Туркмении могут

подтвердить или опровергнуть такого рода сценарии, хотя, разумеется, при этом необходимо учитывать специфику туркменской ситуации.

После естественной (или насильственной) смерти Сапармурата Ниязова власть в стране оказалась в руках Национального совета безопасности, а точнее – в руках своего рода хунты, состоящей из нескольких членов Совета, возглавляющих армию, органы безопасности и полицию, и выдвинутого ими нового президента Туркмении Гурбангулы Бердымухаммедова. Трудно избавиться от впечатления, что эти лица были готовы к смерти Ниязова, поскольку они действовали быстро, согласованно и решительно, отправив в течение нескольких часов в тюрьму председателя Народного собрания (*Халк маслахты*), который по конституции должен был наследовать власть, и установив полный контроль над ситуацией в стране. Еще труднее отказать от мысли, что кандидатура нового президента была выбрана руководителями силовых ведомств именно потому, что он не имеет собственной силовой и, скорее всего, политической базы и, таким образом, не может представлять потенциальную или реальную угрозу кому-либо из других членов хунты, но, одновременно, перекрывает возможность выдвижения на высшую власть кого-либо из них самих. Это, в свою очередь, позволяет сохранить в высшем эшелоне баланс сил и влияния и тем самым предотвратить борьбу за власть по крайней мере в ближайшие несколько месяцев после смерти Ниязова. Если эта модель справедлива, то дальнейшее будущее Туркмении зависит во многом от того, сумеют ли члены хунты выстроить свои отношения так, чтобы не сорваться в ожесточенное соперничество за контроль над наиболее привлекательными отраслями официальной, теневой и криминальной экономики и, соответственно, спровоцировать в стране масштабный кризис.

Важно и другое: в долгосрочном плане стабильность в Туркмении зависит от того, сумеет ли новое руководство инкорпорировать в систему власти верхушечные слои нескольких десятков различных региональных и ведомственных кланов и клик. Последние сформировались главным образом на племенной основе и *де-факто* контролируют отдельные регионы и местности, отрасли экономики, криминальную деятельность, прежде всего торговлю наркотиками и их транспортировку через территорию Туркмении, или отдельные сегменты бюрократической системы – главным образом службы безопасности и армию. Покойный правитель Туркмении сумел существенно ослабить эти группировки. Их элитные эшелоны, возникшие еще в советский период, были либо репрессированы, либо оказались вынужденными покинуть страну, либо *ушли в тень* и отказались от претензий на власть и влияние, по крайней мере открытое. Большинство высших постов в государстве оказалось в руках выдвинутых Ниязовым выходцев из ахалтекинско-го клана, к которому принадлежал и он сам, не относившихся, впрочем, к бывшему элитному слою. Практически единственным исключением из этого правила являлся исключительно влиятельный и близкий к диктатору начальник президентской службы безопасности Акмурад Реджепов, принадлежащий к племени эрсари, которого, впрочем, в мае 2007 г. отпразднили в отставку. Иными словами, потенциальные соперники правящей сегодня в Туркмении хунты оказались серьезно ослабленными. Однако сама клановая структура туркменского общества и туркменской элиты сохранилась, и, соответственно, появляется новая генерация клановых лидеров, которые – скорее рано, чем поздно – могут вступить в борьбу за власть. Это ставит перед новым руководством страны вопрос: продолжать ли и далее линию на подавление клановых элит или же попытаться выстроить новую систему взаимоотношений с кланами, включив их верхушки в сеть сдержек и противовесов.

Таким образом, стабильность в Туркмении, как и в остальных среднеазиатских странах в период смены власти, зависит от того, сможет ли правящая элита предотвратить острые, выходящие за некоторые допустимые рамки (хотя в каждом конкретном случае критерии допустимости будут разными) столкновения интересов различных группировок, кланов и клик. Пока же появились свидетельства того, что новый президент Туркмении инкорпорирует в систему власти некоторых видных деятелей, оказавшихся в опале в последние годы правления Ниязова. В частности, заместителем премьера назначен бывший министр нефтегазовой промышленности Ташберды Тагиев, отправленный в отставку в 2003 г. Не исключено, впрочем, что, привлекая такого рода персонажей в бюро-

кратический аппарат, Бердымухаммедов пытается создать собственную политическую базу и ограничить влияние туркменских силовиков. Последствия этой политики представляются противоречивыми. С одной стороны, размывается реальная или потенциальная оппозиция, находящаяся вне правящей верхушки. Но, с другой, в самих высших эшелонах власти расширяется круг лиц и групп, претендующих на те или иные экономические или бюрократические ресурсы.

В свете этого ожидать в ближайшие месяцы заметных подвижек во внешней политике Туркмении трудно. Внимание руководства страны будет сосредоточено на внутренних проблемах, прежде всего на разделе наследства покойного диктатора и установлении нового баланса сил между различными группировками и кликами. Правящая хунта вряд ли может быть заинтересована во внешнем вмешательстве в эти процессы, а потому постарается создать впечатление, что прежний внешнеполитический курс будет продолжен, а все экспортные газовые обязательства будут выполнены.

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ: ЗАТИШЬ ПОСЛЕ БУРИ

Ракетные и ядерные испытания, проведенные КНДР летом–осенью 2006 г., добавили международному сообществу еще одну трудную проблему. Появились многочисленные прогнозы и аналитические оценки, предсказывавшие обострение военно-политической ситуации в северной части Тихого океана. Особое внимание уделялось тому, насколько США смогут укрепить уверенность Японии и Южной Кореи в надежности американского *расширенного сдерживания (extended deterrence)* и американских гарантий безопасности с тем, чтобы предотвратить создание там ядерного оружия в ответ на северокорейский ядерный потенциал. Речь, прежде всего, шла об усилении содействия Японии, а в перспективе, возможно, и Южной Корее в создании эффективных систем противоракетной обороны, способных нейтрализовать северокорейские ядерные ракеты. США интенсифицировали политическое и дипломатическое взаимодействие с Китаем, руководство которого было крайне раздражено действиями Пхеньяна, в том числе и потому, что КНДР может спровоцировать в регионе *ядерное домино*. Последнее является для Пекина крайне нежелательным. Продолжалось давление на КНДР по линии ООН, других международных организаций с целью политической и дипломатической изоляции Пхеньяна, предотвращения передачи Северной Кореей ядерных материалов и технологий экстремистским группам и режимам, сохранялись экономические санкции, в том числе блокирование банковских счетов в находящемся в Макао *Банко Дельта Азия*.

Такие усилия были ожидаемы. Однако еще в середине зимы 2006–2007 гг. было трудно предположить возможность быстрого смягчения ситуации вокруг Северной Кореи и ее ядерной программы. Тем не менее, 13 февраля 2007 г., в ходе так называемой *третьей сессии пятого раунда шестисторонних переговоров* была достигнута договоренность «о начальных шагах по выполнению Совместного заявления», принятого 19 сентября 2005 г.

Было согласовано, что в ходе первой фазы выполнения Совместного заявления, которая будет длиться 60 дней, КНДР останавливает и опечатывает с целью «позапного приведения в неработоспособное состояние» ядерный объект в Йонбене⁶, в том числе установку по переработке отработавшего ядерного топлива, и приглашает инспекторов МАГАТЭ для проверки и мониторинга, «как это согласовано между КНДР и МАГАТЭ». Кроме того, в ходе данной фазы КНДР обсудит с другими государствами–участниками шестисторонних переговоров список всех своих ядерных программ, в том числе «плутоний, выделенный из отработавшего топлива, который подлежит приведению в состояние, в котором его невозможно использовать». Одновременно должны быть начаты переговоры КНДР с США с целью разрешения имеющихся двухсторонних проблем и продвижения к установлению полных дипломатических отношений. Такие же переговоры должны быть начаты между КНДР и Японией для нормализации их отношений «на основе урегулирования печального прошлого» и устранения «важнейших источников озабоченности». Со своей стороны, США начнут процесс отказа от обозначения КНДР как государства, поддерживающего терроризм, и от применения к КНДР Закона о торговле с

враждебными государствами. Государства-участники шестисторонних переговоров предоставят КНДР в течение 60 дней чрезвычайную помощь в размере 50 тыс. т топочного мазута. Будут также созданы пять рабочих групп для обсуждения и выработки конкретных планов выполнения Совместного заявления.

 Александр **Савельев (Россия)**, заведующий Отделом стратегических исследований, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН – по телефону из Москвы: *Будущее развертывание американских элементов ПРО в Восточной Европе оказало наибольшее отрицательное влияние на ситуацию на европейском континенте. Сейчас можно смело судить о том, что Россия не будет игнорировать односторонние решения США в области ПРО. В то же время в ситуации с иранской ядерной программой мы наблюдали «переход от большого минуса к небольшому» – снизилась вероятность силового решения. Вообще, весь 2007 год – год ожидания каких-то изменений. Здесь нужно иметь в виду предстоящие выборы и смену власти в России и США. Отсюда и повышение чувства тревоги.*

На последующей стадии выполнения Совместного заявления КНДР представит «полное заявление обо всех своих ядерных программах» и приведет в состояние негодности все ядерные объекты, в том числе ядерные реакторы с графитовым замедлителем и завод по переработке отработавшего ядерного топлива. КНДР будет предоставлена экономическая, энергетическая и гуманитарная помощь, эквивалентная одному миллиону тонн топочного мазута.

Эта договоренность, на первый взгляд, является очевидным успехом северокорейского режима. Пхеньян не только получил экономическую помощь, в которой он отчаянно нуждается, но и добился согласия США на прямые официальные переговоры, что было одной из важнейших политических целей северокорейского руководства, в том числе предполагаемых переговоров об установлении дипломатических отношений. При этом единственный практический шаг КНДР навстречу требо-

ваниям международного сообщества – замораживание ядерных установок в Ионбене, причем не ясно, всех или части из них, и постановка их под контроль МАГАТЭ. Это никоим образом не может предотвратить их *размораживание* в будущем и высылку инспекторов МАГАТЭ, как это произошло в начале нынешнего ядерного кризиса на Корейском полуострове. Обойден важнейший вопрос – сколько ядерных боеприпасов или взрывных устройств имеет КНДР, как и когда они будут уничтожены. США, по сути дела, отказались, возможно, на время от справедливого требования относительно полной, необратимой и проверяемой ликвидации северокорейской ядерной программы. Более того, Пхеньян получил возможность продолжать работу над усовершенствованием своих ядерных взрывных устройств. Это имеет принципиальную важность, поскольку малую мощность ядерного взрыва, произведенного КНДР осенью 2006 г., можно объяснить, скорее всего, плохим функционированием сложных электронных и иных систем, предназначенных для осуществления импловзивной схемы подрыва взрывного устройства. При этом по подсчетам специалистов, у КНДР имеется достаточно плутония для создания пяти-шести, а может и более, ядерных боеприпасов.

Однако нынешняя предельно мягкая линия США в отношении северокорейской ядерной программы имеет свои преимущества. Вашингтон получил возможность сконцентрировать свои усилия и ресурсы, как политические, так и военные, на Большом Ближнем Востоке. США продемонстрировали гибкость, готовность идти на компромиссы, что опровергает расхожее представление о нынешней американской администрации как о *туловатых* консерваторах, готовых применять военную силу по всякому поводу или вообще без повода и не способных к тонкой политической игре. Наконец, смягчив обстановку на Дальнем Востоке, Вашингтон сделал очень важный шаг навстречу Китаю, озабоченному тем, что события в регионе могут выйти из-под контроля и осложнить модернизацию экономики и вооруженных сил, чему в Пекине придают особое значение.

И
В
Р
О
С
С
И
Е
О
Д
П
Р
О
В
И
М

РОССИЙСКИЙ ФАКТОР

Выступление президента России В.В. Путина в Мюнхене было воспринято многими как современный аналог известной речи Уинстона Черчилля в Фултоне, которая стала спусковым крючком холодной войны. Станет ли выступление российского лидера началом нового раунда конфронтации или нет, покажет будущее. Но это выступление уже дало старт массивной антизападной кампании, инициированной как военным руководством, так и российским МИДом.

Несколько высших военных руководителей России выступили с призывом выйти из Договора по РСМД. Эта идея высказывалась и ранее, но, как правило, отставными генералами, формально не связанными более с военным ведомством. Сегодня же подобные призывы могут рассматриваться как практически официально заявленная позиция Министерства обороны. Главным аргументом в пользу выхода из Договора о РСМД является предполагаемая угроза российским стратегическим силам со стороны будущей противоракетной системы США в Европе. Этот аргумент вызывает самые серьезные сомнения. *Противоракеты*, которые планируется развернуть в Польше, просто не в состоянии поразить стартующие российские межконтинентальные баллистические ракеты (МБР). Для этого они должны обладать совершенно фантастическими и недостижимыми в обозримое время тактико-техническими характеристиками, прежде всего скоростью. Нельзя не учитывать также фактор времени. Запуск противоракеты может состояться лишь после того, как будет обнаружен старт российских МБР, притом при условии исключения возможности ошибки, должна быть определена, пусть даже лишь в самом общем виде, траектория полета и принято решение о пуске противоракеты. На все требуется время, пусть несколько минут, но в течение этих минут МБР могут оказаться просто недостижимыми. И, наконец, не ясно каким образом, собственно, 10 противоракет могут угрожать российским стратегическим силам, насчитывающим несколько сот межконтинентальных ракет наземного базирования, причем стартовые позиции многих из них находятся в нескольких тысячах километров от Чехии.

Но не вызывает сомнений, что выход России из Договора по РСМД вновь сплотит НАТО и приведет к развертыванию в Европе американских ракет средней дальности. Иными словами, повторится ракетный кризис 1970–1980-х гг. Это не только резко обострит военно-политическую ситуацию в Европе, но и кардинально повредит безопасности России. Нельзя не напомнить, что во второй половине 1980-х гг. советское военное руководство согласилось с *нулевым вариантом* по РСМД отнюдь не из стремления к ядерному разоружению. У советского Генерального штаба в тот момент не было сомнений, что американские *Першинги* и крылатые ракеты, размещенные в Германии, Нидерландах и Великобритании, могут за 10–15 минут доставить несколько сотен сверхточных ядерных боезарядов к важнейшим центрам военного и политического управления Советского Союза. В нынешнем же десятилетии такие или более совершенные ракеты могут быть развернуты гораздо ближе к границам России.

Возможно, понимание опасности выхода из Договора по РСМД привело к тому, что в ответ на американские планы размещения элементов ПРО в Чехии и Польше Москва объявила о «моратории» на выполнение Договора по обычным вооруженным силам в Европе (ДОВСЕ). Это, скорее всего, не вызовет острой реакции Запада, поскольку ДОВСЕ в своем первоначальном виде во многих отношениях безнадежно устарел. Но, во-первых, мораторий на выполнение ДОВСЕ никак не может помешать развертыванию ПРО в Центральной Европе. Во-вторых, это решение Москвы еще раз ставит вопрос: чего, собственно, добивается Россия на международной арене?

Позиция военного командования понятна. Руководство вооруженных сил, и далеко не только российских, в силу самой природы военного планирования ориентируется не столько на намерения, сколько на возможности реальных или потенциальных соперников или противников. При этом российские военные вынуждены учитывать непреодоленную деградацию обычных вооруженных сил и, соответственно, делают ставку на ядерное оружие. И, наконец, они полагают, что чем больше у России будет ядерных ракет, подводных лодок и тому подобного, тем прочнее будет безопасность страны. По-

следнее глубоко неверно: Советский Союз потерпел поражение в *холодной войне*, несмотря на огромные арсеналы ядерных и обычных вооружений.

Менее понятна позиция МИД, который фактически солидаризируется с позицией военного руководства. Дипломатия призвана выявлять и учитывать именно намерения партнеров, соперников и противников, иметь в виду весь комплекс факторов, ориентироваться не на наиболее опасный, хотя в данном случае фантастический, вариант развития событий, а на глубокий анализ международной реальности.

Правда, для этого требуется солидный интеллектуальный потенциал. Между тем, подготовленный МИД России Обзор внешней политики оставляет тяжелое впечатление. Так, в нем говорится: «*Главное достижение последних лет – вновь обретенная внешнеполитическая самостоятельность России*»⁷. Невольно возникает вопрос: было ли ожесточенное сопротивление России расширению НАТО на восток на протяжении большей части прошлого десятилетия навязано Москве извне, например из Вашингтона? Не менее интересен и другой пассаж: «*Внутреннее укрепление России делает нашу внешнюю политику более целенаправленной и результативной ...*»⁸. Хочется спросить, что имеется в виду? Не идет ли речь о том, что манипуляции с ценами на газ оттолкнули от России ее единственного союзника, белорусского президента Лукашенко, который в начале 2007 г. стал лихорадочно налаживать отношения с Западом? Полагает ли российское Министерство иностранных дел, что если южные российские города окажутся в зоне поражения иранских ядерных ракет, то это будет соответствовать национальным интересам России? Если нет, то почему с упорством, достойным лучшего применения, российская дипломатия целенаправленно пытается предотвратить эффективные санкции ООН, способные побудить Тегеран остановить программу создания ядерного оружия?

Но, пожалуй, самое интересное теоретическое достижение российского дипломатического ведомства – повторение старого, времен Горбачева, тезиса о «стабильном, справедливом и демократическом миропорядке», формировать который предполагается посредством активного участия в деятельности ООН. Авторам Обзора, видимо, не известно, что само понятие «справедливости» сугубо субъективно, отражает интересы соответствующих личностей или социальных групп. Но важнее другое. Демократия является формой государственной власти, при которой граждане делегируют свои властные полномочия выборным органам, решения принимаются с учетом мнения большинства, а права меньшинства защищены законом, который неукоснительно соблюдается. В свете этого линия на формирование справедливого и демократического миропорядка, по сути дела, означает создание мирового правительства, в котором большинство будет принадлежать развивающимся странам и Китаю. Понимает ли МИД РФ, что призыв к строительству демократического миропорядка фактически солидаризируется с концепцией ограниченного суверенитета, являющейся абсолютно еретической для подавляющего большинства российского политического класса?

Не менее показательными являются некоторые практические рекомендации. Так, излагая соображения по решению иракской проблемы, возможно, самой острой проблемы нынешней мировой политики, авторы Обзора пишут: «*В работе с международными партнерами продвигать российские подходы к политическому урегулированию иракской проблемы. [...] демонополизация давала бы реалистичную альтернативу нынешней тупиковой ситуации [...] Продуктивными представляются идеи создания Контактной группы в составе постоянных членов СБ ООН, всех соседей Ирака и ряда ведущих региональных держав, а также проведения в таком составе международной конференции по Ираку с участием ведущих иракских политиков*»⁹. В этой формуле, пожалуй, справедливо лишь то, что ситуация в Ираке тупиковая. Но предложение о создании Контактной группы и проведении международной конференции по Ираку напоминает печальную шутку советских времен: не соберем урожай – соберем пленум. Пленумов в СССР было много, но с урожаями дела обстояли плохо. Действительно, весь опыт международной политики свидетельствует, что конференции могут лишь утвердить решение, выработанное в ходе длительных переговоров. А если такого решения нет, то конференции, контактные группы и прочие многосторонние дипломатические институты превращаются в форумы для взаимных обвинений и склок.

Однако главный вопрос в том, означает ли воинственная риторика российских дипломатов и военных начало практических изменений российской внешней политики? В свете

этого особое значение приобретают не столько возможный, хотя, скорее всего, маловероятный выход России из Договора по РСМД, сколько будущее голосование в Совете Безопасности ООН по косовской проблеме. Пока же Совет Безопасности, приняв *план Ахтисаари*¹⁰ к рассмотрению, мудро решил не торопить события и направить в Косово и Сербию делегацию. Смысл этого решения, видимо, в том, чтобы найти некий компромисс, приемлемый как для Белграда, так и для Приштины, используя, прежде всего, экономические рычаги для давления на Сербию и Косово. Россия, со своей стороны, стоит перед непростым выбором: либо содействовать решению косовской проблемы, либо пытаться играть на противоречиях между косоварами и сербами. Выбор последнего весьма опасен для России. Косовская проблема слишком важна для Европы, чтобы пытаться манипулировать ею. Нельзя игнорировать тот печальный факт, что Советский Союз проиграл *холодную войну* и распался, будучи намного более мощным в экономическом и военном отношении, чем сегодняшняя Россия, стремительно превращающаяся в *petrostate*.

БИСМАРК БЫЛ ПРАВ

Развитие мировой политики осенью–зимой 2006–2007 гг. еще раз подтвердило, что иудео-христианская цивилизация сталкивается с рядом экзистенциальных вызовов. Среди них – поднимающаяся волна исламского джихада, распространение оружия массового уничтожения, размывание идентичности, надвигающееся истощение углеводородных энергоресурсов и, возможно, немало других. Справиться с этими вызовами, действуя с позиций слабости и будучи разобщенным, цивилизованный мир не может и не сможет. Но сила сегодня, как и на протяжении всей истории человечества, это не только сила примера, убеждения, искусства апелляции к здравому смыслу и умения находить компромиссы. Такая *мягкая сила* действенна в рамках цивилизации, чьей высшей ценностью является индивидуальная личность, ее права и достоинство. Но те, кто находится вне этого цивилизационного ареала, считаются только с силой оружия. И потому, видимо, прав был князь Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк, убежденный в том, что великие вопросы будут решаться не речами и большинством голосов, но железом и кровью.

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: В ПРЕДУЩЕСТВИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

В предыдущем обзоре я писал о смене исторических эпох. Но история не существует без экономики и технологий. И, в конечном счете, глобальная безопасность есть совокупное отражение текущего состояния мировой политики, экономики и уровня развития современных технологий.

Минувшие месяцы, которые и составляют предмет моего обзора, дали нам массу оснований в этом убедиться. Ведь большая часть событий в области мировой политики и глобальной безопасности как раз происходила на стыке политики, экономики и технологий. Беда в том, что, много говоря в последние годы о *столкновении цивилизаций* и даже нехотя признавая смену исторических эпох, мы фатально забываем, что меняются и экономические модели, и технологические платформы. А именно они определяют ту практическую и «до боли» конкретную политику, которой следуют государства.

УЛОВИТЬ ТЕХНОЛОГИЧЕСКУЮ СМЕНУ ВЕХ

Как и исторические эпохи, экономические модели и технологические платформы приходят и уходят. Просто они сменяются много чаще – с появлением новых прорывных технологий, с изменением торговых путей и транспортных коридоров, с перемещением производственных центров по миру. Смена экономических моделей зачастую менее заметна обывателю, менее значима для простого человека, но порой влечет взлеты и падения

держав. Великими становятся те государства, которые вовремя улавливают смену экономических эпох и встраиваются в еще только зарождающиеся экономические процессы.

Великобритания вовремя уловила смену парусного флота паровым, – казалось бы, простая технологическая новация, однако закрепившая как минимум на столетие глобальную гегемонию Британской империи, над которой «никогда не заходило солнце». Или как США, где вовремя осознали тупиковость и устарелость индустриальной цивилизации, смело шагнув в постиндустриальный компьютерный мир. И во многом именно благодаря этому и выиграла холодную войну. При этом создав на базе новой технологической платформы концепцию наземно-воздушной операции и наполнив ее новыми средствами поражения, которым СССР, накопившему армады танков, противопоставить, по большому счету, было нечего.

Только на базе новых технологических решений происходят принципиальные изменения в области вооружений и военной техники, а через это – и в способах защиты политических и экономических интересов государств, периодически коренным образом меняя структуру и саму суть этих интересов. Именно на базе пара и парового флота как результата технологической революции возникла историческая эпоха под названием промышленного капитализма, когда индустриальное производство было дополнено жесточайшей борьбой за рычаги сбыта и источники сырья, которую заметный российский политолог В.И. Ульянов впоследствии назвал эпохой империализма.

России почти никогда не удавалось удачно сыграть на смене экономических эпох. Российская империя опоздала к эпохе пара и позорно проиграла Крымскую войну, которую теоретически просто не могла не выиграть, если судить по соотношению сил и модным ныне *геополитическим* аспектам. Советский Союз в упоении *разрядкой* и *развитым социализмом* прозевал начало эпохи энергосберегающих технологий. И, заснув при ценах на нефть в 35 долларов, проснулся при 14 долларах с известными последствиями в виде системного кризиса.

Первое впечатление: 2007 год не обещает коренного изменения сложившихся международных тенденций, что и подтвердил новый всплеск интереса к теме энергетической стабильности, к чему Россия вновь приложила руку. Это и понятно – одной из основ той экономической модели, в которой мы сейчас живем, является основанная на газовой технологической платформе энергетика, которая пришла на смену угольной где-то в первой половине 1980-х гг., отчасти спровоцировав падение цен на нефть, ускорение интеграционных процессов в ЕС, норвежское экономическое чудо и гибель Советского Союза.

Но вот вопрос, не свидетельствуют ли многие последние события о том, что близится время, когда и этой технологической платформе придется отойти на второй план? И не этим ли ожиданием и, больше того, стремлением встроиться в новые тенденции вызваны многие события последних четырех месяцев? Ведь главный тезис последнего времени содержит не только печальную констатацию, что без российского газа экономика промышленно развитых стран вряд ли сможет работать. Это констатация и того, что в рамках нынешней технологической парадигмы энергетики – что с российским газом, что без него – сохранение приемлемых темпов глобального экономического роста становится в принципе невозможно.

Так что последние несколько месяцев интересны как раз тем, что через пелену дипломатических инициатив и политических маневров, через анонсированные новые военные программы, которых было в последние месяцы на удивление много, начали, кажется, проступать признаки надвигающейся смены экономической модели и появления новых технологических платформ.

НАТО И ПРО: ВОЗРОЖДЕНИЕ АТЛАНТИЗМА

Одна из центральных тем последнего времени – начало практических действий по продвижению инфраструктуры НАТО на Восток. Это опрокинуло многочисленные прогнозы о том, что НАТО вот-вот трансформируется в политический альянс, а его военная ин-

фраструктура станет вспомогательным элементом. НАТО возникла как военно-политический альянс и может существовать именно в таком виде. И для того, чтобы альянс продолжал существовать как значимая глобальная сила, в нем должен постоянно протекать какой-либо военно-политический процесс. Во второй половине 1990-х гг. таким процессом была реализация концепции операций за пределами традиционной зоны ответственности. Теперь таким процессом, функционально объединяющим – хотя и политически разъединяющим – страны НАТО, становится размещение элементов системы противоракетной обороны (ПРО).

Однако что же в политическом плане показала ситуация с развертыванием элементов системы противоракетной обороны США и НАТО в Восточной Европе? В принципе, мы не узнали ничего нового, просто то, что упорно не хотели замечать наши либералы от внешней политики, стало настолько очевидным, что им остается только стыдливо отводить глаза. США давно заявляли, что собираются размещать элементы ПРО в странах Восточной Европы. Вся их аргументация была хорошо известна, и не понятно, на что в России рассчитывали те, кто сейчас встрепенулся.

На то, что некий дух партнерства с Россией заставит США отказаться от стратегических планов? Так этого духа уже давно нет, да и в принципе российско-американское партнерство никогда не было столь уж значимым, а главное – имело до обидного узкую экономическую базу для того, чтобы заставить США отказаться от крупного геополитического проекта.

На то, что в европейских столицах оценят перспективы отношений с Москвой? Но, позвольте, США же элементы ПРО не в Германии, где действительно понимают значимость отношений с Россией, размещают, не во Франции и даже не в Италии. Они это делают на территории своих восточноевропейских союзников, уже откровенно играющих в рамках общеевропейских структур роль американского *троянского коня*. Эти государства не только на элементы американской системы ПРО согласны. Они американцам под пыточные и расстрельные камеры свою территорию отдать готовы. Что с них взять?

Вопрос куда глубже: по сути, сейчас под названием «Система ПРО на европейском ТВД» реализуется один из крупнейших и геополитически значимых проектов американской внешней политики последних десяти, если не пятнадцати лет. США красиво и убедительно втягивают своих европейских союзников в затратное предприятие с неясной – прежде всего для европейских союзников – геополитической ценностью.

Этим проектом США вводят в систему европейской безопасности – где кое-кто наивно думал, что сможет прожить без чуткого ока *дядюшки Сэма* – реальный военный элемент, управление которым и с политической, и с технологической точек зрения будет целиком и полностью сосредоточено в Вашингтоне, и только там. Европейцам показывают, что враг, от ощущения близости которого они уже успели с 1991 г. отвыкнуть, у ворот, и только США с их новыми технологиями ПРО могут защитить Европу. А заодно показывают, что вместо того, чтобы бесцельно и бессмысленно *играться в европейскую оборонную идентичность* (пресловутую *European Defense Identity*), надо просто *вернуться домой* в привычную и, согласитесь, вполне эффективную НАТО.

Фактически в какой-то мере возникает ситуация, типологически схожая с размещением американских ракет средней дальности в Европе в 1980-е гг. Эти ракеты как назло появились в Европе в тот момент, когда к власти там пришло поколение политиков, в принципе готовых на игру в геополитическую самостоятельность. Конечно, европейцам размещение американских ракет не нравилось, они выходили на демонстрации, которые, чтобы там ни говорили, далеко не всегда были инспирированы из Москвы. Однако элиты европейских государств понимали, что альтернативой размещению ракет – вне зависимости от степени реалистичности советской угрозы – была утрата важного централизующего элемента всего североатлантического альянса. А этого позволить себе наши европейские партнеры не могли ни тогда, ни сейчас. При этом, чем более жесткими будут *ответные меры* со стороны России, чем громче зазвучит риторика, тем крепче будут прижиматься пугливые европейцы к большому заокеанскому брату.

А главное, потенциальная конфронтация с Россией по поводу ПРО никого не пугает. Заранее понятно, что в военно-техническом плане Россия – в силу того, что ее ВПК только начал выходить из кризиса – соревнование с США и европейцами проиграет, а размещение элементов системы ПРО в Европе, если переводить тему в конфронтационный режим, это именно соревнование потенциалов ВПК и военно-технологических заделов. Так стоит ли в него втягиваться? Может быть, более эффективно было бы получить контроль над строительством системы ПРО США в Европе и сделать эту систему до известной степени прозрачной?

Но если присмотреться внимательно, и в данном случае речь идет о сочетании политики и технологий на фоне экономики. Ведь игра США, начало которой, надо сказать, они разыграли блестяще, состоит в том, чтобы сперва раскрутить до масштабов неминуемой угрозы тему распространения ракетных технологий (вот где был грандиозный внешнеполитический пиар – не чета потугам подправить имидж России) и напугать и американцев, и европейцев картиной приближающихся невесть откуда ракет. А затем на новой технологической базе (а новые американские противоракетные технологии, это, вероятно, большой качественный технологический рывок, чтобы там ни писали в *Красной звезде*) создается новый механизм присутствия в европейской политике.

Константин Эггерт (Россия), главный редактор Московского бюро Русской службы Би-Би-Си – по телефону из Москвы: *Причины незначительного повышения Индекса в апреле связываю в первую очередь с тем, что не произошло ожидаемого противостояния между Западом и Россией по поводу иранской ядерной программы, а также не состоялось разрешение политического кризиса на Украине силовым способом. Главным минусом я назвал бы события в российско-эстонских отношениях и реакцию на них мирового сообщества. Произошел значительный рост недоверия к России как к стране, строящей свою политику по отношению к соседям на иррациональной основе, при этом во многом опираясь на логику внутренней политики.*

В этой схеме пока не хватает новой экономической модели, но уже, видимо, понятно, на чем она будет основана: на сокращении зависимости от российских энергоносителей за счет развития энергосберегающих технологий и атомной энергетики. Стоит обратить внимание на то, что даже в Германии все сильнее звучат голоса сторонников *мирного атома*. Так что, если не произойдет каких-то неприятностей, то в трансатлантических отношениях может сложиться система, которая мало чем будет уступать по прочности той, что существовала в период холодной войны.

И в этом смысле речь президента России В.В. Путина в Мюнхене, дружно раскритикованная за рубежом, действительно, своей цели достигла, хотя бы тем, что спровоцировала в европейских политических и научных кругах некую дискуссию о том, куда же все-таки идет Европа в геополитическом

плане и в чем состоит логика капитанов европейской политики.

Только нужно понять, каким был тот смысл, который закладывала Москва в это выступление, и почему российский президент специально подчеркивал, что выступает в рамках формата *свободного обмена мнениями*. А смысл речи крайне прост: у Европы остается не так много времени для того, чтобы либо доказать свою самостоятельность в большой политике, либо подтвердить опасения, что геополитически самостоятельная Европа не удалась. В первом случае диалог по широкому кругу вопросов, в том числе в сфере безопасности, возможен, во втором – бессмыслен, ибо гораздо проще и дешевле выстраивать двусторонние отношения с США (либо на базе привычного сдерживания, либо на базе обновленного партнерства), а параллельно – развивать восточное направление политики. А Европа станет вспомогательным направлением внешней политики, без особенных стратегических задач. Может быть, упомянутая речь несколько запоздала – крайне маловероятно, чтобы сейчас кто-то на Западе был бы морально готов делать примирительные шаги в отношении России, а идеологическая инерция порой играет значительную роль. Может, пора привыкать к тому, что НАТО и ЕС надо воспринимать

Д
В
Р
О
С
С
И
И
Б
Е
З
О
П
А
С
Н
О
С
Т
И
И
Н
Д
Е
К
С

без иллюзий 1990-х гг. и надежд начала XXI века, а в рамках подзабытых нами парадигм 1970–1980-х гг.?

Хотелось бы отметить и еще одну крайне важную деталь – мы почему-то не говорим о «ПРО НАТО» или «ПРО ЕС». Мы говорим о системе ПРО США, которая прикрывает территорию Европы. И, что еще более интересно, Вашингтон ведет переговоры о размещении систем ПРО не с Брюсселем, а с отдельными государствами. Симптом, согласитесь, очень показателен, особенно на фоне пышных торжеств по поводу 50-летия Римского договора, с которого, собственно, и началась история Единой Европы.

Так что история с американской системой ПРО в Европе толкает нас к тому, чтобы задуматься: безусловно, Европа сложилась как единое гуманитарное пространство, а также в основном как единое экономическое пространство (кстати, кровно заинтересованное в том, чтобы Россия оставалась в рамках существующей экономической модели и технологических платформ). Ну, а как насчет Европы в качестве геополитического центра влияния? Ведь если Европа не сложилась как, подчеркнем, единый геополитический центр глобального масштаба, тогда в российской концепции *многополярного мира* возникает опасная дыра, и многополярность превращается в знакомую биполярность, где вместо СССР в качестве *полюса* фигурирует Китай. А это уже совершенно иная картина и совершенно иной набор проблем, встающих перед российской внешней политикой.

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: БАЛАНСИРОВАНИЕ НА ГРАНИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Констатация того, что российско-американские отношения катятся к кризису и что с приходом к власти в США демократического президента начнется еще более неприятный этап в российско-американских отношениях, становится уже вроде бы как банальностью.

Это так и не так.

Не так – в том смысле, что главные проблемы у нового президента США – и пока не факт, что это обязательно будет представитель Демократической партии – будут внутри страны, ибо он получит расколотое общество с серьезными внешнеполитическими проблемами и нарастающим количеством комплексов неполноценности. И вряд ли новый американский президент с порога начнет заниматься российскими проблемами.

Так – в том смысле, что новый президент США неизбежно начнет ревизию российско-американских отношений и того, что именуется остаточное российско-американское партнерство.

Однако, оценивая все происходящее в последнее время в российско-американских отношениях, мы должны понимать, что есть существенная разница между заявлениями какого-нибудь *Freedom House*, который на то и существует, чтобы оказывать давление на конкурентов США, и военным планированием, за которым следуют совершенно естественные и куда более значимые последствия. Например, это касается изменений в принципе размещения вооруженных сил и стратегии закупок вооружений. Пока что США балансируют на грани перехода к военному планированию в расчете на конфликт с Россией, но грань эту не переходят.

Однако факт остается фактом: коренной пересмотр отношений с Россией начался, и вся разница в том, что пока в этом *пересмотре* больше риторики и таких имиджевых элементов, как, например, назначение на пост министра обороны США знаковой фигуры Роберта Гейтса, патентованного поклонника нашей страны. Однако реальная система отношений на базе политического сдерживания, если действительно в Вашингтоне будут приняты кардинальные решения, будет выстраиваться с куда большей последовательностью и жесткостью.

Но мы должны понимать, что широкомасштабная программа обновления военной техники американских вооруженных сил является практически неизбежной в силу внутри-

экономических причин: компании оборонного комплекса, которые в течение последних лет инвестировали средства в разработки новых видов вооружений, просто обязаны капитализировать свои инвестиции, а это возможно только при реальном промышленном производстве и массовых закупках новых видов вооружений.

Кстати, процесс этот уже начался, чему свидетельством служит переход от *пробных* к полномасштабным закупкам истребителя нового поколения *F-22 Raptor*, дорогого и с военной точки зрения не слишком нужного. И не надо питать иллюзий: в американском ВПК накоплен достаточный потенциал для того, чтобы вывести американскую военную машину на уровень, практически недостижимый в обозримой перспективе ни для России, ни для какой-либо другой страны. Кстати, президент-демократ, если судить исходя из исторической логики, будет более склонен к началу военной модернизации, нежели республиканец, поскольку исторически Демократическая партия США больше связана с лоббистскими интересами обрабатывающей промышленности, прежде всего ВПК, который, если говорить объективно, пребывал *в загоде* в эпоху подернувшихся жирком сырьевиков-техасцев.

В политическом плане ухудшение российско-американских отношений, которое в последние три-четыре месяца перешло из плоскости риторики в плоскость политических действий, имеет свою логику, которая вытекает из двух основных моментов.

С одной стороны, это неготовность США принять сильную Россию, которая имеет право на свою *сферу влияния*. Ведь это не совсем правда, что США не принимают наличия у России собственных интересов. США, начиная еще с конца XX века, признавали неизбежность появления у России собственных интересов, которые могут и противоречить американским. Чего они никогда не признавали, так это права России на то, чтобы иметь собственную *сферу влияния*, особенно в отношении государств, которые были частью СССР, а особенно – Украины. Недаром же фактический идеолог американской политики в отношении постсоветской России Збигнев Бжезинский подчеркивал, что Россия, контролирующая Украину, почти неизбежно станет империей, которая бросит США вызов и в других регионах.

С другой стороны, проблемы в двухсторонних отношениях вытекают и из того, что Россия не доказала пока США своей *партнеропригодности*. Иными словами, мы много говорили о возможности неких стратегических договоренностей с США, не сделав ничего в практической сфере, что доказывало бы американцам – с Россией лучше договариваться, нежели сдерживать или, тем более, находиться с ней в конфронтации. Мы забыли, что американцы – практические люди, которые в теории, как говорил поэт В.В. Маяковский, «верят средне»: десятки выступлений о том, что у нас есть оружие, способное девальвировать их ПРО, убедят их меньше, нежели одно удачное испытание такого оружия, тем более, что в минувшие годы Россия сильно перебарщивала с внешнеполитической пропагандой и виртуальными проектами.

В конечном счете, надо помнить, что *сфера влияния* не появляется «по соглашению сторон», *сферу влияния* не дарят. *Сферу влияния* берут, никого не спрашивая. Как правило, силой, иногда – хитростью, и только потом наступает черед дипломатов, которые заботятся о том, как бы поизящнее оформить свершившийся факт. Так что изначально надеяться на то, что США *отпишут* России возможность влияния на постсоветском пространстве, основываясь только на том, что экономический потенциал нашей страны начинает приближаться к советскому максимуму, было наивно изначально.

Что же до будущего российско-американских отношений, то и в этом случае не следует впадать в крайности. Лучше попытаться сохранить имеющиеся механизмы взаимодействия, которые, возможно, через некоторое время могут понадобиться. Конечно, если Россия сможет пройти через уже надвигающийся политический *переходный период* без существенных политических потерь. Ибо вся история отношений с Западом последнего времени подтверждает известный факт – несмотря на все разговоры о многополярном мире, единственный партнер, с которым можно предметно о чем-либо разговаривать в западном мире, – это США. Да, это тяжелый партнер, отношения с которым, вероятно, в ближайшие годы будут ухудшаться. Но именно с этим партнером можно решать реальные за-

И
В
Р
О
С
С
И
И
И
Н
Д
Е
К
С
Б
Е
З
О
П
А
С
Н
О
С
Т
И

дачи, связанные с обеспечением достойного места для нашей страны на внешнеполитической арене. И надо сохранить то, на основе чего потом, когда осядет пыль (лет через пять), можно будет выстроить новые российско-американские отношения. И, нравится нам это или нет, такой основой является контроль над вооружениями.

Кстати, если говорить об американской системе ПРО, то не такой уж глупой представляется идея насчет того, чтобы, отказавшись от истерик по этому поводу, получить возможность доступа и контроля над американскими объектами, а, может быть, и согласиться на размещение каких-то из них на нашей территории. Хотя, конечно, идея о том, что на территории России появится американский военный объект, на первый взгляд выглядит диковато. Но, если задуматься, вместо того, чтобы бороться против неизбежного, наверное, лучше придумать, как с этого неизбежного получить максимум политических и экономических дивидендов. И, в конечном счете, что, как не предложение сотрудничества с США в такой форме, покажет и России, и всему цивилизованному миру, что у США нет иных задач в развертывании системы ПРО в Европе, кроме борьбы за глобальную стабильность против маньяков с ракетами средней дальности.

Или все же есть?

КИТАЙ ВСТУПАЕТ В ГОНКУ ВОЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Собственно, вся история с перехватом китайской ракетой спутника не имела прямого военного смысла – для того, чтобы этот смысл появился, Китай должен создать группировку из нескольких десятков подобных ракет с сокращенным периодом подготовки к старту. Вопрос в том, что столь демонстративные действия Пекина были направлены на то, чтобы продемонстрировать всем, и, прежде всего, США свою способность преодолеть объективно существующий технологический разрыв в области стратегических вооружений. Этот разрыв является одним из тех факторов, которые пока дают возможность Вашингтону ощущать себя сравнительно комфортно в отношениях с Поднебесной, несмотря на многочисленные и продолжающиеся не один год разговоры о грядущем американо-китайском противоборстве.

Вряд ли это означает готовность КНР пойти на полномасштабную гонку вооружений. Китайская экономика действует в рамках уже ушедшей в историю индустриальной экономической модели. Да и технологические платформы, которые эта экономическая модель использует – и в транспорте, и в энергетике, и в металлургии, т.е. базовых отраслях промышленности – в целом относятся к предыдущему технологическому поколению. И попытки КНР преодолеть технологическое отставание от США в сфере вооружений пока привели только к ограниченным результатам, хотя не признать прогресс Пекина нельзя.

Мы уже не можем дальше рассматривать китайскую армию как собрание многочисленных, но очень плохих танков и самолетов, которые на два поколения отстают от уровня развитых стран. Действия Пекина означают готовность инвестировать существенные ресурсы в высокотехнологичные вооружения. Насколько у Пекина это получится – большой вопрос, ответ на который может дать только время. Од-

 Мариан **Абишева (Казахстан)**, заместитель директора по науке Казахстанского института стратегических исследований при президенте Республики Казахстан – по телефону из Астаны: *Согласна с общей динамикой с начала 2007 г. В представленных цифрах адекватно отражаются изменения международно-политического характера. Наиболее негативно на климат международной безопасности в Центральной Азии повлияли события в Киргизии (очередное политическое противостояние оппозиции и правительства страны). Безусловно, сейчас Киргизия – зона нестабильности в Центральной Азии. Кроме того, ситуация в Афганистане, Иране и Ираке далека от идеальной. В ближайшие месяцы ожидаю незначительное повышение iSi, так как не наблюдаю каких-либо тревожных факторов.*

нако если наши китайские партнеры решили попугать Вашингтон *виртуальной реальностью*, то их ждет большое разочарование, причем очень быстро. На виртуальную гонку вооружений со стороны наших китайских партнеров у наших американских партнеров есть прекрасный ответ: использование для давления на Пекин глубокой экспортной зависимости китайской экономики от доступа на американский рынок с учетом инфраструктурной отсталости Китая. Это продолжает оставаться решающим фактором геополитического развития КНР, несмотря на все усилия Пекина диверсифицировать экономические связи и форсированно выйти на новый технологический уровень базовых отраслей промышленности (что особенно заметно по усилиям КНР в сфере атомной энергетики). И именно по этой *ахиллесовой пяте* будут бить США.

Другая проблема заключается в том, что Россия – в случае, если КНР и США действительно начнут технологическую гонку вооружений – может оказаться втянутой в серьезные глобальные пертурбации как бы *с черного хода*. Ведь очевидно, что в рамках *стратегического партнерства* с КНР России придется взять на себя существенную долю усилий по технологическому совершенствованию китайских вооружений. И не факт, что политическая и экономическая компенсация Китаем негативных политических последствий для России (а в том, что они непременно будут, сомневается только ребенок) будет адекватна понесенным нами потерям. Так что, двигаясь дальше по пути партнерства с нашим великим восточным соседом, надо все-таки периодически задумываться – а может, приторможим?

ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА КНР: КАПИТАЛИЗАЦИЯ СТАТУСА

Как мы и предполагали после жесткого *заявления* своих позиций, нового статуса и претензий, как обычно сформулированных *по максимуму*, Пхеньян начал постепенно смягчать позицию, прощупывая возможную глубину уступок со стороны мирового сообщества.

Вся циничность ситуации заключается даже не в том, что, соглашаясь на требования Пхеньяна об экономической компенсации за якобы закрытие ядерной программы, посредники соглашаются с принципом шантажа в области нераспространения ядерного оружия. И даже не в том, что вряд ли кто-то из посредников всерьез верит в то, что северокорейское руководство допустит реальный верифицируемый демонтаж ядерной программы, чем еще больше разрушается универсальность Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Получается, что некоторым государствам (Индия и Израиль) нельзя иметь ядерное оружие, но можно. Некоторым (Иран) – нельзя ни в коем случае и ни при каких условиях. А некоторым – надо за отказ от ядерных программ платить. Причем пока мазутом, а потом, глядишь, – и деньгами, тем более что модель выжимания из мирового сообщества экономических уступок Пхеньяном отработана и является вполне эффективной. Это подтверждается тем, что уже сам факт согласия Пхеньяна на возобновление переговоров вызвал плохо скрываемый восторг. А демонстративный уход северокорейской делегации с переговоров по мизерному поводу замораживания счетов в одном из банков Макао – плохо скрываемую истерику.

Беда в том, что, соглашаясь на развязку ситуации на базе *товарной дани*, мировое сообщество фактически содействует консервации северокорейского режима, отказываясь уже от минимальных требований по демократизации общества и изменения экономической модели северокорейского общества. То есть от всего того, с чего в 1993 г. и начался кризис вокруг ядерной программы КНДР. Про это уже не только не говорят, но, боюсь, даже и не думают. Совершенно бессмысленно спрашивать, кто победил, и оспаривать жизнеспособность идей чужие.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ТАКТИЧЕСКИЕ МАНЕВРЫ НА ФОНЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ БЕССМЫСЛЕННОСТИ

При всей лихорадочной активности на Ближнем Востоке, куда за последние четыре месяца зачастили президенты, государственные секретари, министры и посредники, не решена главная проблема ближневосточной политики – отсутствие переговороспособ-

ных партнеров. Более того, за последнее время эта проблема обострилась до крайности, и теперь на всем Ближнем Востоке почти невозможно найти политическую фигуру, даже стоящую во главе государства, обязательства которой имели бы долгосрочный и всеобщий характер. Исключение составляет, пожалуй, лишь король Иордании Абдалла, однако, при всем уважении, Иордания – не основной игрок в процессе ближневосточного урегулирования. Все остальные политики региона либо находятся в крайне стесненном политическом положении и зависят от внутривнутриполитической конъюнктуры (Эхуд Ольмерт или его ливанский коллега Фуад Синьора), либо пребывают на спаде своего влияния (Хосни Мубарак или Саудовская королевская семья). В таких условиях естественной является концентрация основных сил в регионе на внутренних разборках, которые могут происходить в совершенно различных формах: от коррупционно-сексуальных скандалов, как в Израиле, до открытых вооруженных столкновений, как в Палестинской автономии. Как говорится, *в соответствии с местной спецификой*.

Конечно, можно справедливо отметить, что события в Палестинской автономии во многом спровоцированы израильскими спецслужбами, поднатюрившими в стравливании одних палестинцев с другими. Это, безусловно, так и есть, и следует поздравить израильские спецслужбы – при всех издержках, адекватно защищающих интересы своей страны, с неплохо проведенной операцией, которая дала некий запас времени политическому руководству своей страны для приведения собственных дел в порядок. За те два-три месяца, которые спецслужбы Израиля подарили своим политикам, можно было действительно много сделать. Однако боюсь, это время было потеряно зря – а вместе с ним потеряны и жизни палестинцев, погибших в междоусобных столкновениях.

Однако ситуации в Палестинской автономии и Израиле – это лишь часть общей картины, хотя и исключительно важная. По сути, Ближний Восток поражен единой болезнью – внутривнутриполитической нестабильностью и нарастанием фракционности. Никакой реальной стратегии, никакой долгосрочной линии выстроить в регионе не удастся. Кстати, если посмотреть на действия американцев в последние месяцы, становится очевидным, что они и не пытаются это делать – несмотря на оптимистические заявления, американская администрация никаких долгосрочных обязательств перед своими союзниками в регионе на себя не взяла. И это свидетельствует о том, что никаких долгосрочных позитивных целей США на Ближнем Востоке не преследуют, для них главное – решение краткосрочных политических задач.

Ибо США понимают: пока внутри региона не вызреет идея формирования эффективной системы коллективной безопасности (а она в обозримой перспективе не вызреет, и это понятно уже абсолютно всем), единственное, чем можно заниматься, – это держать процесс конфронтации под контролем. Или делать вид, что процесс держится на контроле.

С этой точки зрения и России, вероятно, следует спокойнее воспринимать идею *возвращения* на Ближний Восток. Во-первых, спросим себя: а на какой Ближний Восток возвращается Россия? Ведь в 1950-е гг., когда СССР впервые проявил интерес к этому региону (кстати, И.В. Сталин был всегда скептического мнения о возможности оказывать там серьезное влияние), Ближний Восток бурлил, освобождался от господства традиционных великих держав, а нефтяная экономика только начинала входить в геополитическую моду. А главное – на Ближнем Востоке были сильные игроки, которые приходили *всерьез и надолго*. Сейчас ничего этого нет, а главное – и в этом надо признать прозорливость американцев – нет игроков, с которыми можно выстраивать долгосрочные отношения.

Во-вторых, основной вопрос, на который надо дать ответ: а зачем Россия возвращается на Ближний Восток? Для Советского Союза ответ был предсказуем, прозрачен и понятен. Советский Союз середины 1950-х гг. выходил на арену подлинно глобальной конфронтации с США и Западом в целом, и Ближний Восток как арена такой конфронтации был исключительно привлекателен. А что даст России *возвращение* в этот регион, где ведущими игроками становятся пресловутые негосударственные участники международных отношений, с которыми приходится договариваться не через визиты, политиче-

ские декларации и межгосударственные соглашения? А главное – с ними надо договариваться не на Ближнем Востоке.

Конечно, скажем, еще шесть-семь лет назад можно было договариваться с Саудовской королевской семьей о ее отказе от поддержки разного рода радикальных исламских движений в России и некоторых странах СНГ. Сейчас это уже почти бессмысленно, ибо саудиты утратили контроль над тем монстром, которого сами же во многом и выпестовали. И договоренности с ними уже не будут иметь того решающего значения, как это могло быть еще в недавнем прошлом.

Поэтому максимум, на что мы можем рассчитывать, возвращаясь на Ближний Восток, это решить за счет отношений с ближневосточными элитами некоторое количество тактических задач. Главное, чтобы баланс *затрат* на ближневосточную политику и геополитических *доходов* от нее был все же в нашу пользу. И здесь надо быть предельно осторожными.

К примеру, существует внешне очень красивое предложение о создании *газового ОПЕК* совместно с несколькими арабскими странами и Ираном. Безусловно, Россия, став одним из инициаторов такого объединения, получит возможность серьезно влиять на формирование глобального рынка природного газа. Однако нельзя забывать, что, вступив в такое объединение, Россия будет вынуждена отказаться от значительной доли самостоятельности и в ценовой политике, и в вопросах продвижения на новые рынки (скажем, выход российского газа на рынок Израиля станет проблематичным), и по ряду других весьма значимых вопросов. А главное, совершенно нет гарантий, что другие основатели *газового картеля* когда-нибудь не попытаются использовать газовое оружие в чисто политических целях, и притом эти цели будут соответствовать интересам нашей страны. Не говоря уже о том, что, фактически став во главе *газового ОПЕК* и начав говорить от имени газопроизводящего сообщества, России предстоит ассоциировать себя со странами, которые вряд ли можно отнести к промышленно-развитым. То есть Россия займет весьма специфическое место – *своего среди чужих, чужого среди своих* во вновь обозначаемся противостоянии промышленно развитого, постиндустриального мира и преиндустриальных сырьевых экономик. Так что баланс плюсов и минусов весьма сложный и неоднозначный.

США НА ПУТИ ИЗ ИРАКА

Конечно, нельзя пройти мимо ситуации в Ираке, мимо последствий казни Саддама Хусейна. Если честно, лично мне Саддама Хусейна не жалко. Он сам играл в поддавки с американцами, когда имел возможность, как минимум, свести войну в *ничью*. Он сам создал такое руководство, такое свое окружение, которое предало его при первой возможности. Он сам создал ситуацию, когда иракская государственность держалась в основном на насилии. Бывают ситуации, когда надо не играть, не выторговывать себе уступки, а стоять насмерть. Саддам, какими бы героическими красками ни рисовали его некоторые российские политики, был не просто диктатором, а диктатором-неудачником. Можно, конечно, говорить о бесчеловечности смертной казни как таковой, но если взглянуть на ситуацию с позиций юридической логики, то есть с точки зрения соответствия приговора иракским законам, то по идее никаких претензий к иракским властям по поводу казни Саддама Хусейна быть не может.

Но есть несколько странностей, которые не дают покоя. Во-первых, позвольте не поверить, что казнь была совершена вопреки воле американцев. Вы всерьез верите в то, что сборище политических ничтожеств под названием *иракское правительство*, само выживание которого зависит от того, выделит ли американское командование пару танков для сопровождения их лимузинов, проезжающих по охраняемой *зеленой зоне*, рискнуло перечить своим хозяевам? Во-вторых, эта казнь выглядела несколько странно: палачи не просто оскорбляли Хусейна, да еще и выкрикивали прямо на камеру здравицы во имя известного шиитского радикального лидера Муктады ас-Садра, который мало того, что не является, мягко говоря, любимой фигурой в *иракском руководстве* (даже с учетом его недавних примирительных заявлений), но и считается одним из наиболее опасных –

не чета дохленькой иракской *Аль-Каиде* – противников США в регионе. А главное, каков был результат казни Хусейна? Да вполне предсказуемый: суннитские боевики, остатки баасистов и даже *аль-каидовцы*, за неимением ничего лучшего провозгласившие Саддаму *шахидом* (какая ирония судьбы для человека, полжизни положившего на разгром исламистского подполья в Ираке!), занялись вполне логичным делом – принялись убивать шиитов, на время ослабив атаки на американцев и их разбегающихся союзников. Поскольку именно шииты совершенно очевидно становятся прямыми виновниками гибели новоявленного *шахида*. Конечно, только история даст нам ответ, кто, как и зачем казнил Саддаму Хусейна, но уже сейчас можно с уверенностью говорить, что у США – во всяком случае, у нынешнего руководства – есть сценарий выхода из иракского конфликта. Этот сценарий прост, выполним и профессионально циничен – развал Ирака по этническому принципу. Как писал Гилберт К. Честертон, чтобы спрятать сухой листок, надо посадить мертвый лес.

Сценарий, что и говорить, интересный, а главное – выполнимый. Вопрос только в том, насколько Вашингтону удастся совместить три кажущиеся невыполнимыми задачи: управляемый развал Ирака с последующим стратегически значимым столкновением шиитов и суннитов, сохранение хотя бы видимости стабильности в Саудовской Аравии и нефтяных монархиях Персидского залива и обрушение цен на нефть, что должно выбить основу из-под любой современной антиамериканской коалиции.

ИРАНСКИЙ КОТЕЛ

Если отбросить многочисленные разговоры о столкновении цивилизаций и исконных противоречиях христианского и мусульманского мира, речь пойдет о том, что Иран превращается в военно-политического гегемона в регионе, стратегически важном для функционирования мировой экономики. Подчеркну еще раз, для экономики, пока все еще использующей традиционную технологическую платформу в энергетике, то есть нефть и газ. В конечном счете стремление Ирана к реализации собственной ядерной программы и получению доступа к критической технологии обогащения урана отражает понимание, что в современном мире статус государства и его возможности вести *торговлю* с глобальными силами определяет некий набор технологий.

Ведь имея успешно реализованную гражданскую ядерную программу, особенно, если есть в наличии технологические возможности быстро трансформировать ее в военную (а у Ирана такие возможности, вероятно, есть), можно куда более осмысленно и эффективно торговаться с *великими державами* за статус регионального гегемона.

Только не надо забывать, что начался этот процесс еще в начале 1970-х гг., когда в Тегеране сидел шах Реза Пехлеви, друживший с США (впрочем, имевший неплохие отношения и с Москвой), а про исламскую революцию, если кто и думал, то только немногочисленные *яйцеголовые* аналитики ЦРУ. И тогда большого страха ни усиление Ирана как таковое, ни планы строительства двух десятков атомных электростанций не вызвали. Теперь другое дело: в силу характера политической власти в Тегеране превращение Ирана в регионального гегемона идет под флагом радикальной исламской идеологии, которая может опрокинуть и нефтяные монархии Персидского залива (где в основе государственности, по сути, только нефtedоллары), и Саудовскую Аравию. Да и светским арабским режимам станет очень неудобно. Потому сценарий сдерживания Ирана, в том числе и с использованием военных инструментов, является не просто актуальным, а вполне разумным – с точки зрения сохранения интересов и позиций США в ключевом нефтедобывающем регионе.

В этой связи есть два принципиальных политических вопроса, касающихся ситуации вокруг Ирана. И они не связаны с иранской ядерной программой, которая есть следствие, побочный продукт, но не причина политических процессов в регионе.

Первый вопрос: еще несколько лет назад в научных и политических кругах, в средствах массовой информации было много разговоров о том, что иранский *неошиизм* начинает утрачивать свою радикальную сущность, а в иранском обществе верх берут умеренно-

обывательские настроения. И надо признать, чтобы так говорить, были все основания: президентство Мохаммада Хатами прошло под знаменем либерализации иранского режима и разного рода *знаков* в отношении западных стран, включая и США, о готовности к нормализации отношений и достижению некоего состояния сосуществования. Получается, что либо оценки *выгорания* исламского радикализма в Иране были не верны, либо появление Махмуда Ахмадинежада в качестве президента Ирана является досадным тактическим завихрением, которое иранская элита тем или иным образом исправит. И ближайшее развитие событий непременно даст ответ на этот отнюдь не праздный вопрос.

Второй вопрос: зигзаги американской политики вокруг Ирана – от заигрываний к прямой конфронтации – четко соответствуют не столько развитию ядерной программы этой страны, сколько степени идеологизированности иранской внешней политики. Не означает ли это, что для интересов США в регионе приоритетным является не вопрос нераспространения ядерных технологий (которые разрабатывались и при президенте-либерале Хатами, а президент Ахмадинежад только снимает пропагандистские сливки с достижений иранских, а, видимо, и не только иранских физиков-ядерщиков), а способность Ирана претендовать на идеологическое лидерство в исламском мире? Можно предположить, что США исходят из того, что идеологическая борьба в очень близкой перспективе станет одним из важнейших факторов глобального развития. Иными словами, США действуют в отношении современного Ирана так жестко потому, что предвидят в ближайшее время резкий всплеск исламистских настроений во всем мире, что станет куда более опасным для американских интересов, нежели существование фантомной *Аль-Каиды*. И если этот всплеск будет сопровождаться развитием ядерной программы, которая во вполне обозримой перспективе может привести к появлению ядерного оружия, то ситуация окажется совсем бесперспективной.

 Евгений Сатановский (Россия), президент Института Ближнего Востока – по телефону из Москвы: *Возможно, незначительный подъем iSi в апреле был в некоторой степени связан с празднованием религиозных праздников, что создало положительный эмоциональный фон, а также с началом сельскохозяйственных работ в регионах-поставщиках наркотиков, что переключило деятельность террористов с подрывной на «экономическую». Постоянными факторами ухудшения обстановки остается ситуация вокруг Ирана, в Северной Африке и в странах Африканского рога. Критическим является недопущение прихода к власти исламистского президента в Турции, где, надеюсь, армия встанет на защиту светского характера государства, как это уже бывало ранее.*

Для России ситуация вокруг Ирана должна стать очень серьезным уроком. Уроком необходимости комплексного подхода к отношениям с другими странами. Если отрешиться от разговоров о том, что станцию в Бушере надо было построить назло США, в современном мире строительство АЭС (в отличие от любого другого промышленного или энергетического, даже и военного объекта) является фиксацией определенного статуса двусторонних отношений. В рамках этих отношений страна-строитель берет на себя определенные обязательства перед мировым сообществом, как бы гарантируя приемлемость международного поведения страны-покупателя. Но такого рода обязательства могут быть взяты, только если существует система отношений – политических, экономических – между странами-партнерами, в рамках которой АЭС является лишь одним из важных элементов, но отнюдь не решающим. Россия же никогда не имела достаточной степени влияния на Тегеран, а внутренняя и внешняя политика Тегерана никогда не была достаточно транспарентна, чтобы брать на себя столь значимые внешнеполитические обязательства относительно средне-, а тем более долгосрочного будущего иранской ядерной программы.

Проблема российско-иранских отношений заключалась именно в том, что с какого-то момента достройка АЭС «Бушер» стала главным элементом российско-иранских от-

ношений. И почти нескрываемой целью иранцев стало скорейшее получение топливных элементов для работы станции. В то же время у России оказалось очень мало практических – прежде всего, экономических – инструментов, использование которых доказывало бы иранской стороне нецелесообразность дальнейшего обострения ситуации. На сегодняшний день мы не можем назвать ни одного по-настоящему крупного российско-иранского экономического проекта. В политической области мы также далеки от стратегического партнерства. А в этих условиях и у Ирана, и у европейских стран, а уж у наших американских партнеров тем более очень велико искушение использовать отношения с Россией, повторюсь, касающиеся крупного, но все же лишь одного проекта, в качестве *разменной монеты* в более глубоко задуманных политических комбинациях.

Но, с другой стороны, ситуация вокруг иранской ядерной программы является наглядным свидетельством того, что означает в современных условиях роль личности в истории. Речь не о том, что президент США периодически говорит с Богом, а президент Ирана считает Холокост сионистской выдумкой. Дело в другом: уже совершенно очевидно, что иранский президент и его окружение сознательно идут на обострение отношений с Западом, наиболее явным свидетельством чему стал захват британских морских пехотинцев вблизи устья реки Шатт-эль-Араб. Отрешаясь от темы, на чьей именно территории находились британцы, задаешься вопросом – почему иранское руководство пошло на эту откровенно скандальную, но одновременно стратегически ненужную акцию? Тегеран не мог не понимать, что реакция западных стран будет предельно жесткой и только приблизит начало военной операции, даже если Иран отпустит британцев и получит незначительные пропагандистские дивиденды, которые в складывающейся ситуации уже мало что значат.

Кстати, о военной операции. Ее подготовка производит все более странное впечатление. Поражает почти полная прозрачность планов. В газетах обсуждают, что будут бомбить, как будут бомбить, какие действия Иран может предпринять в ответ, чем все может закончиться. Объяснение тому – осознание неизбежности столкновения и ограниченности возможных сценариев. Всем понятно, что данное применение силы будет ограниченным: вероятнее всего, США ограничатся воздушными ударами – для наземной операции у США просто нет сил. Понятно, что иранская ядерная программа, конечно, будет замедлена, но не остановлена. Вопрос в том, насколько замедлена. И стратегически операция в целом выглядит бессмысленно. Понятно, что радикализм иранцев после этого только возрастет и втягивание их в иракский конфликт станет практически неизбежным. Но тогда встает вопрос: а зачем обе стороны с упорством, достойным лучшего применения, подводят ситуацию к грани военного столкновения?

Думаю, что в поведении сторон отчетливо прослеживается сочетание внутри- и внешнеполитических мотивов при примате внутривнутриполитических. Для иранского лидера конфронтация с США, даже если Иран подвергнется ударам с воздуха, – средство консолидации вокруг себя большей части иранского общества, в том числе молодежи. А главное, возможность вполне легитимно *зачистить* поднимающую голову оппозицию, которая в противном случае может использовать неизбежные в условиях нарастающей изоляции экономические трудности как повод для смещения президента-радикала. Так что президент Ахмадинежад конфронтации с США не боится, напротив, он делает все, чтобы столкновение с Западом произошло как можно скорее, пока он еще сохраняет значительный политический запас прочности.

США, в свою очередь, рассчитывают, что вооруженная акция ограниченного масштаба против Ирана с переходом в длительную экономическую блокаду заставит оппозиционные круги действовать решительнее. С другой стороны, понятно, что для Джорджа Буша конфронтация с Ираном – не просто один из элементов глобальной системы сдерживания радикального ислама, но и средство запустить собственную модель развития ситуации на Ближнем Востоке, которой будет вынужден следовать любой следующий американский президент. Ведь если задумка стимулировать смещение президента-радикала не удастся, Иран неизбежно нанесет по США ответный удар, причем в самом пред-

сказуемом месте – в Ираке. Но, несмотря на неизбежные в таком случае потери, американцы и лично президент Буш смогут решить несколько важных задач.

С одной стороны, автоматически снимется вопрос о целесообразности пребывания американских войск в Ираке, да и в целом ближневосточная стратегия Буша станет *правильной*, во всяком случае, никакое демократическое большинство уже не будет ставить под сомнение пребывание американских войск в регионе и их финансирование. Никому не хочется примерять на себя ярлык *изменника нации*, да еще в выборный год.

С другой стороны, Иран попадет в состояние почти тотальной внешнеполитической изоляции, когда даже бывшие союзники, которые ранее, сжимая зубы, терпели даже антисемитские тирады иранского президента, будут вынуждены от него отвернуться.

В итоге в Персидском заливе возникнет коалиция арабских стран, которые не просто будут помогать американцам сдерживать Иран. Сдерживать Иран, конечно, сложно, но, учитывая экспортный характер иранской экономики и глубокие инфраструктурные проблемы, внутреннюю расколотость иранской элиты, решаемо. Главное в том, что американские операции по сдерживанию иранцев будут оплачивать не американские налогоплательщики, а нефтедобывающие страны, для которых американские военные станут единственной гарантией выживания.

И вот тогда со всей прямотой встанет вопрос: а причем тут Россия?

ВЫНУЛ НОЖ – БЕЙ!

Отношения России и Грузии, пожалуй, самая больная и неприятная тема во всей российской внешней политике. И дело не только в том, что Россия на каждом повороте проигрывает информационную войну Тбилиси. И не в том, что М.Саакашвили ведет себя все более *отвязно*, ибо ощущает за собой поддержку США. Проблема заключается в том, что в российской политике в отношении Грузии много тактики, еще больше *пиара*, но почти нет стратегии.

Другая беда нашей политики в отношении Грузии заключается в том, что мы забыли: мировая политика основана на простом дворовом принципе (причем двор может быть любой: сретенский, лиговский или бруклинский) – «вынул нож – бей!». А если нет желания или силы воли ударить, то тогда держи свой ножик в кармане. Мы же в ситуации с Грузией ножик из кармана вынули, а бить раздумали. Именно нам и пришлось делать шаги назад, тогда как грузинский лидер в лучах славы принимал поздравления от западных почитателей его таланта – в США и странах ЕС. И это большой нам урок: у каждого *пиара* есть начало и есть завершение. Начало нашего очередного *пиара* с Грузией было, прямо скажем, впечатляющим, вот только завершение подкачало. Поэтому пришлось и посла в Тбилиси возвращать, и на выставке «Продэкспо» в Москве срочно давать медаль грузинским винам за *высокое качество*. То есть фактически пришлось признать, что попытка напугать грузинское руководство провалилась. Однако следовало бы шагнуть еще дальше – признать, что грузинское руководство вообще нельзя напугать.

В конечном счете – и события последних трех-четырёх месяцев доказали это с пугающей откровенностью – Россия должна четко решить, чего же она хочет от Грузии.

Если она хочет от Грузии приемлемого к себе отношения, то придется учесть, что и грузинское руководство, и грузинское общество сделали выбор в пользу США и НАТО, и всякие реминисценции относительно *исторической близости* их только раздражают. А антироссийская риторика – всего лишь средство продемонстрировать максимальную лояльность новым покровителям. И не наше дело убеждать их в правильности или не-правильности этого выбора. Показательно, кстати, что если и есть в Грузии некая *про-российская партия*, то обретается она в основном в Москве. И попытки экономического давления не дают желаемого результата не только потому, что Грузия – сравнительно маленькое государство и США и ЕС вкупе с крупными международными филантропами могут ее *взять на содержание*. Дело в том, что мелкие неурядицы, особенно, если они

касаются небогатого населения, а не вполне благополучной элиты, – ничто по сравнению с теми колоссальными дивидендами, которые сулит выбор в пользу Запада. У России в действительности почти нет инструментов давления на грузинскую элиту, а под санкции в основном попадает простое население.

Мы также должны понимать, что выход хотя бы на нейтральные отношения с Грузией в принципе возможен, только если Россия *сдаст* Грузии Южную Осетию и Абхазию. Но встает вопрос, насколько это соответствует интересам России. Может быть, более целесообразным стало бы признание того, что Грузия будет в обозримой перспективе враждебным для России государством, при одновременном подтверждении статуса России как страны, которая является фактором, формирующим глобальную систему международных отношений. Иными словами – признание независимости самопровозглашенных государств.

Конечно, подобный шаг в краткосрочной перспективе вызовет у наших западных партнеров истерику. Однако, учитывая нынешний уровень отношений России с США и ЕС, следует ли этого так сильно бояться? В экономическую блокаду Россия не попадет, хотя для снятия нашей страны с нефтегазовой иглы это было бы неплохо, благо есть гигантский, но бессмысленный стабилизационный фонд. Политические отношения с США и ЕС находятся на том уровне, что опустить их ниже крайне трудно, особенно в условиях *второго майдана* на Украине и неизбежного повторения столкновения интересов России и Запада. Да и в принципе окончательно ссориться с Москвой в условиях назревающего конфликта в Персидском заливе и стратегической неясности на Корейском полуострове США и ЕС вряд ли будут. В действительности риски не так высоки, как это кажется.

Но, с другой стороны, признание независимости самопровозглашенных автономий будет реальным внешнеполитическим шагом, возможно, неожиданным для наших западных партнеров, привыкших, что Москва только *посылает сигналы*, но почти никогда не переходит к практической реализации своих угроз. Может быть, тогда российские *последние предупреждения* станут восприниматься более серьезно и ответственно. И последователи Михаила Саакашвили разом станут куда более вменяемыми, поскольку убедятся, что за *пугалками* Москвы иногда следуют конкретные действия.

 Сержио Дуарте (Бразилия), посол, Председатель Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (2005 г.) – по электронной почте из Бразилиа: *В Южной Америке негативное влияние оказали такие события, как национализация активов бразильских нефтяных компаний в Боливии и правительством Эво Моралеса и потенциальное установление популистской левацкой оси Венесуэла–Боливия–Эквадор. Однако хотел бы подчеркнуть, что благодаря постоянному обмену визитами на высоком уровне и климату доброй воли в межгосударственных отношениях на континенте этот негатив частично сглаживается. В дальнейшие месяцы не ожидаю каких-либо резких изменений в показателях индекса: главный, иранский, вопрос будет решаться по дипломатическим каналам, жесткая словестная склока между США и Ираном уже стихла.*

КОНЕЦ УГЛЕВОДОРОДНОЙ ЭПОХИ

Новая историческая эпоха ресурсного противоборства вполне возможна и на базе старой экономической модели и старых технологических платформ. Скорее всего, начальный период новой исторической эпохи будет развиваться при ее внешнем господстве. Некоторое время Россия еще сможет просуществовать в относительно комфортных условиях. Однако таким будет только начальный период. Совокупность глобальных проблем и вызовов ведущим мировым державам заставит их искать новые экономические модели и новые технологические платформы, а затем подстраивать свои внешнеполи-

тические приоритеты под новые технологические, в том числе и военно-технологические возможности и экономические интересы.

Газовая, а в более широком смысле углеводородная энергетика была одной из основ экономической модели конца XX века. Она дала возможность России пережить трудные времена 1990-х гг. и обеспечить себе место на европейском газовом рынке, а также накопить ресурсы для начала нового промышленного рывка, который пока почему-то не случился. Но наивно думать, что газовая энергетика будет вечно господствовать в качестве энергетической основы современной технологической платформы и что Россия сможет вечно использовать газовый фактор для решения внешнеполитических задач, тем более в такой, мягко говоря, не слишком деликатной форме, как это делалось в последние годы.

Из глобального энергетического тупика будет найден выход, причем, чем больше Россия будет акцентировать свою важность и незаменимость в качестве источника углеводородного сырья, тем меньше шансов, что она сможет реально участвовать в формировании новой технологической платформы, которая ляжет в основу новой экономической модели. И только перейдя на новую экономическую модель, Россия сможет реализовать те естественные геополитические преимущества, которые дает ей новая историческая эпоха, ранее нами обозначенная как эпоха ресурсного противоборства. Только так Россия сможет сохранить за собой право на активное участие в мировой политике.

Конечно, конец углеводородной энергетики будет не столь апокалиптичен и внезапен, как описывают иные российские писатели. В одночасье нефть с газом не перестанут быть нужными для функционирования мировой экономики. Вечный двигатель не появится. Угроза не в этом, и даже не в том, что в России неожиданно закончится вроде бы бездонный стабилизационный фонд. Угроза в том, что, опоздав к смене технологической платформы и экономической модели, Россия будет вытеснена на периферию мирового экономического развития, откуда придется выбираться – как это происходило в 1930-е гг. – с большими издержками, в том числе внутривнутриполитическими.

Кстати, если кто еще не понял, нынешние 56–60 долларов за баррель нефти это меньше, чем 35 долларов 1984 года. То есть того самого года, когда начался окончательный закат советской экономики с известными геополитическими последствиями. Так что запас прочности у энергетической сверхдержавы не так уже велик.

Дмитрий Евстафьев

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Индекс *iSi* рассчитывается по следующей формуле:

$$iSi = \sum_i k_{G_i} \times \text{Глоб.ф.} + \sum_i k_{R_i} \times \text{Регион.ф.} + \sum_i k_{L_i} \times \Delta_j \times \text{Лок.ф.},$$

Где

k_{G_i} – коэффициенты *взвешивания* глобальных факторов;

k_{R_i} – коэффициенты *взвешивания* региональных факторов;

k_{L_i} – коэффициенты *взвешивания* локальных факторов;

Δ_j – коэффициенты значимости региона.

Более подробно методология *iSi* раскрывается в интернет-представительстве ПИР-Центра по адресу <http://isi.pir-center.org>

² Резолюция 1737 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5612-м заседании, 23 декабря 2006 г., <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2006/res1737.htm> (последнее посещение – 20 апреля 2007 г.).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Fred Ikle, member of Pentagon defense board. "Enormous and incredible mistakes in Iraq may end up driving us out, but if we handle the exit correctly, it will not make the USA more vulnerable, and can be made worse for our jihadist adversaries, who are killing each other". *The Financial Times*. 2006, November 24. P. 8.

⁶ В английском тексте этого документа сказано "for the purpose of eventual abandonment". Эта формула весьма двусмысленна. Ее можно перевести и как «в целях окончательного отказа», и как «в целях отказа, зависящего от обстоятельств» или «возможного отказа». Используемые в данном документе термины "to abandon" и "abandonment" также допускают многозначную и весьма противоречивую трактовку. Интересно, что МИД РФ не опубликовал официальный перевод этого документа на русский язык, что открывает возможность его произвольного толкования.

⁷ Обзор внешней политики Российской Федерации, 431-27-03-2007, 27 марта 2007 г., http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/sps/3647DA97748A106BC32572AB002AC4DD (последнее посещение – 20 апреля 2007 г.).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Специальный посланник Генерального секретаря ООН для руководства процессом определения будущего статуса Косово Мартти Ахтисаари предлагает наделить край многими атрибутами государственности и предоставить ему ограниченный суверенитет под международным военным и гражданским контролем. В его предложениях ничего не говорится ни о независимости края, ни о суверенитете Сербии над ним. В плане предлагается наделить Косово правом самостоятельно вступать в международные отношения, иметь свою конституцию, независимую судебную систему и т.д. План предусматривает возможность заключать международные соглашения и даже вступать в международные организации.